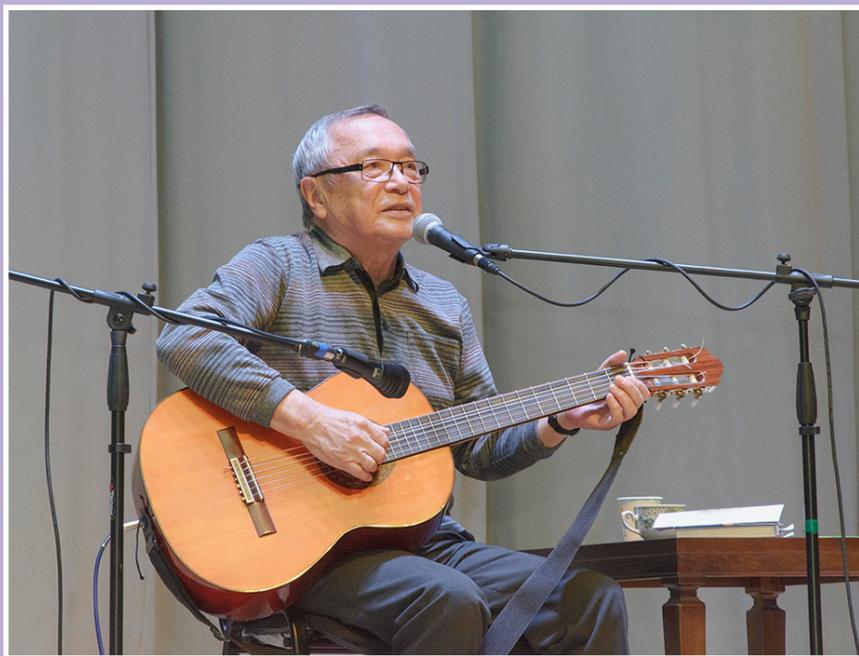

*«ДУБНА,
МЕЧТА МОЯ...»*

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«ДУБНА, МЕЧТА МОЯ...»

Дубна
2020

ББК 7я43
Д79

Составитель *Л. Орелович*
Обработка фото *Е. Ореловича*

Книга создана при содействии директора ОИЯИ
академика РАН В. А. Матвеева.

Д79 **«Дубна, мечта моя...»** / Сост. Л. Орелович. — Дубна: ОИЯИ, 2020. —
79 с.: ил.
ISBN 978-5-9530-0532-6

Книга завершает трилогию о поэтах-шестидесятниках, которые оставили образ Дубны в своих поэтических произведениях. Среди многочисленных «лириков», которые приезжали сюда за творческим вдохновением, особенно можно выделить трёх легендарных поэтов, ставших частью её истории: Андрея Вознесенского, Владимира Высоцкого, Юлия Кима. В 2012 году, к 75-летию поэта, была опубликована книга «Высоцкий в Дубне», рассказывающая о причастности наших учёных к созданию Театра на Таганке и о дружбе Высоцкого с Дубной. В 2014 году, к 80-летию Вознесенского, увидела свет «Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы», раскрывающая удивительные страницы его пребывания в Дубне с женой Зоей Богуславской. «Дубна, мечта моя...» повествует о многолетней дружбе Кима с нашим городом, который ещё на заре своего существования обрёл репутацию прекрасного научного оазиса, где одухотворённые физики и лирики живут в согласии и гармонии.

ББК 7я43

ISBN 978-5-9530-0532-6

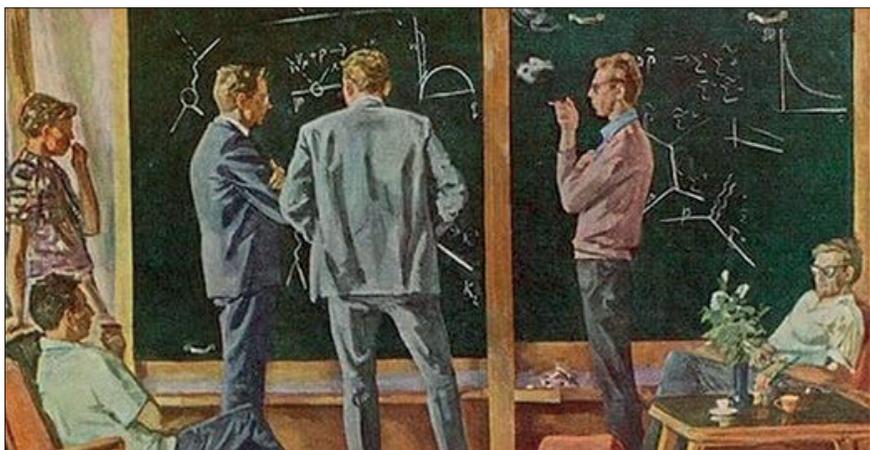
© Объединенный институт
ядерных исследований, 2020

ГИМН НАУКЕ

Вы подумайте, что за волшебники
Современные колдуны!
Чудодеи науки и техники,
Выдающиеся умы!
Они всё объяснили, расчислили
И в красивые схемы свели,
И нечистую силу очистили,
И в ковёр-самолет запрягли.
Чудотворцы седые и юные,
Академики и доктора
Уже столько всего напридумали,
Что уж, кажется, дальше куда?
Даже кажется нам по наивности,
Что могли бы они разрешить
И проблему сердечной взаимности,
И задачу, как надобно жить...
Не трудитесь, учёные головы:
Тут не надо теорий и книг.
Грусть и радость не впишутся в формулы,
А с любовью — и вовсе тупик.
Тут приходится каждому смертному
До всего доходить самому,
Доверяя сердечному трепету
Куда больше, чем просто — уму...

Юлий КИМ

В 1956 году на карте Московской области появляется молодой город физиков Дубна. Уже совсем скоро это место становится весьма привлекательным не только для творческих людей из научной среды. Дубна шестидесятых начинает притягивать многочисленных людей искусства, которые тянутся сюда за творческим вдохновением. Вскоре в нашем городе оказывается и Юлий Ким. Вот как выглядели они — первые учёные-первопроходцы, принявшие Кима в свой круг.

М. А. Канаян. «Теоретики». 1964 год, ОИЯИ

Картина московского художника Михаила Асатуровича Канаяна (1931–2015) участвовала в 1964 году в зональной выставке «Москва — столица нашей Родины». Репродукция её была напечатана в предновогоднем выпуске журнала «Огонёк» (1964) тиражом более 1,8 миллионов экземпляров. Там же указывалось, что эту картину М. А. Канаян написал в «городе науки» Дубне. В 1967 году картина была приобретена Министерством культуры РСФСР и поступила в Государственную Третьяковскую галерею. В 1975 году монохромная репродукция этого полотна была размещена в отрывном календаре Политиздата (листок от 15 апреля 1976 года) общим тиражом 16,5 миллионов экземпляров.

ЮЛИЙ КИМ — ЯВЛЕНИЕ УНИКАЛЬНОЕ*

Юлий Ким. Упоминание этого имени сразу же вызывает улыбку. Действительно, в авторской песне, стремительно взлетевшей в 1960-е годы, Юлий Ким — явление уникальное и исключительное. Его недостаточно «читать с листа» или слышать голос на магнитофонной кассете или пластинке — его обязательно надо видеть. Этот удивительный человек один воплотил в себе целый театр — с автором, музыкантом, режиссёром и многочисленным талантливым актёрским коллективом. В его яркой разнообразной труппе есть пьеро и арлекины, герои и героини, карикатурные и отвратительные персонажи — бюрократы, «аппаратники», пьяницы, подхалимы, уже знакомые нам по сказкам и старинным книгам герои классических произведений, получивших в песнях Кима вторую жизнь. Рыболовы и пираты, гусары и кавалергарды, школяры и комедианты, неунывающий и непримиримый Тиль и грустный Петрушка, романтический мошенник Остап Бендер и хамоватый «гегемон» Присыпкин — все они теснятся на сцене, перевоплощаясь в этого небольшого, заряженного гремучей песенной ртутью человека с гитарой в руках. Несмотря на всё их многообразие, в каждом из героев виден неповторимый почерк, яркая индивидуальность создавшего их автора — Юлия Кима.

Много лет назад, когда я ещё не был знаком с Кимом, я услышал его ранние песни в исполнении Юрия Визбора на одном из концертов в Ленинграде. Представляя песни Кима со сцены, Визбор сказал: «Юлий Ким окончил МГПИ имени Ленина в Москве. Работает школьным учителем на Камчатке. И чем хуже ему приходится, тем более весёлые песни он пишет. Так что весёлых песен у него много». Именно тогда впервые прозвучали для меня его жизнерадостные, искрящиеся крутой и влажной морской солью песни «Рыба-кит», «Подо

* *Городничкий А.* След в океане. Петрозаводск: Карелия, 1993. Гл. «Поющие шестидесятые». С. 360–419 (отрывок из кн.).

мною глубина», «И всё ж, друзья, не поминайте лихом — поднимаю паруса». Честно говоря, они немало укрепили во мне, в ту пору ещё сухопутном геологе, желание обязательно когда-нибудь попасть на океан. Ах, эта наивная юная романтика, кажущееся ощущение свободы на берегу безбрежного и неведомого океана, 1960-е годы с их надеждами и верой в завтрашний счастливый день, томительный запах прибрежных водорослей и морской соли! Герои первых песен Кима — рыбаки и китобои, беззаботные школяры, распеваящие лихие и совершенно антипедагогические песенки вроде «Бей баклуши, бей баклуши, а уроки — не учи!»; свирепые, но благородные корсары устрашающего вида — «Через лоб повязка, через череп — шрам. Это не жизнь, а сказка — говорю я вам». Искристое веселье, безбрежное, как океан, и щедрое, как встающее из него камчатское солнце. Ощущение беспредельного богатства, несмотря на более чем скромный учительский оклад: «если хочется кому-то маринованного спрута, значит, ждут его Калькутта или порт Бордо». И при этом «железные» законы равенства и братства: «Подношу к свету последнюю галету и делю на семь персон» или «Всё, что море дарит нам, делим пополам».

Примерно тогда же появились сразу завоевавшие всенародную популярность знаменитые песни из цикла «1812 год». Кто не распевал тогда лихую песенку лейб-гусаров, предлагающих в порыве верноподданных чувств заменить царя, или тонко стилизованную под народную песню бомбардиров «Генерал-аншеф Раевский сам сидит на взгорье»? Казалось, Ким так и останется автором задорных мальчишеских песенок и театральных стилизаций. Жизнь, однако, судила иначе.

Вслед за короткой и ненадёжной хрущёвской «оттепелью» началась длительная пора брежневских «заморозков». Волею обстоятельств, а также в силу прямоты души и непримиримости ко лжи после возвращения в Москву Юлий Ким оказался близок к узкому кругу тех самоотверженных интеллигентов, которых раньше называли диссидентами, а сейчас — предтечами перестройки. Его выгнали с работы, запретили преподавать. Оставшийся практически без средств существования, с так же лишённой работы женой и маленькой дочерью на руках, он пытался писать песни для театральных постановок, но само имя его, попавшее в «чёрные списки», отпугивало режиссёров. Тогда-то и появился «автор песен Ю. Михайлов». Имя это быстро прижилось на экранах кино и телевидении. Чего стоят, например, тут же подхваченные зрителями песни из кинофильма «Бумбараш» или

телевизионного фильма «Обыкновенное чудо»? Немногие, однако, знают, что сценический псевдоним «Ю. Михайлов» был взят Ю. Кимом не просто «для пущей важности» (как написали на конверте его первой пластинки), а не от хорошей жизни.

Театральные, телевизионные и «киношные» песни Ю. Михайлова сослужили их автору полезную службу, дали ему необходимую профессиональному литератору школу и навсегда связали его с любимым театром. Это во многом определило особенности развития его поэтического таланта в последующие годы. Для многих «прикладных» песен их театральный сюжетный смысл, стилизация под «другую обстановку» были только камуфляжем. <...> Диапазон звучания «театральных» песен Кима, их подтекст нередко гораздо шире того сценического действия, для которого они были написаны. Достаточно вспомнить романс захватившего власть «гегемона» Присыпкина, в строчках которого тонко пародируется фонетика «основателя Советского государства»: «Я в бою с мировой буржуазией заслужил себе личную жизнь», или знаменитый марш бюрократов, вызывавший в самые глухие годы застоя бурные овации всего зала: «Поступью железной дружно, как стена, мы шагаем вслед за, невзирая на...»

Юлий как-то рассказал мне, что после того, как он написал песни к телевизионному фильму «Короли и капуста» по О. Генри, они принимались телевизионным худсоветом. У Кима один из героев поёт по сюжету песенку, где есть строчки:

Куда ты скачешь, мальчик,
Скажи ты мне, куда?
Везде одно и то же —
Бардак и суета.
Да что за беда,
Да что за беда,
Да что за беда, ей-богу?
Поеду понемногу
Куда-нибудь туда.

«Стоп! — закричал председатель худсовета. — Это куда же туда?» И песню запретили. Пришлось автору менять выражение «куда-нибудь туда» на «туда — куда-нибудь»...

До сих пор, услышав неожиданно хорошую песню в телефильме или радиоспектакле, особенно стилизованную под другие времена, я думаю: «Наверное, Ким». Он обладает удивительным музыкальным слухом к звучанию слов в их родном контексте, чутким ухом пере-

смешника. И всё это при абсолютно современной естественности изложения. Один из лучших примеров такой «стилизации» — замечательная трагикомическая песня, в которой излагается печальная (но со счастливым концом) история незадачливого российского драматурга Василия Васильевича Капниста, пострадавшего от гневного самодержца Павла. В песне с редким мастерством и изяществом на фоне напряжённого развития сюжета сочетаются обиходный язык двадцатого века с «высоким литературным штилем» восемнадцатого. «Василь Васильевич Капнист метался на перине — один и тот же страшный сон, что был уже в четверг: что он взобрался на Олимп, но, подошед к вершине, Василь Кириллыч цоп его за... спину — и низверг» или: «Да, испарился царский гнев уже в четвёртом акте, когда злодей опознан был и не сумел уползть. “Сие мерзавцу поделом!” — царь молвил и в антракте послал гонца вернуть творца, завёрнутого в полсть». А в страшном облике самого «ценителя искусств», «белеющего жуткой тенью», как не опознать других самодержавных вершителей судеб многострадальной нашей литературы — от Сталина и Жданова до Хрущёва и Демичева? «Вот как было в прежние годы, когда не было свободы» — этой саркастической строчкой кончается песня.

Создавая песни для фильмов и спектаклей, уже упомянутых и многих других («Недоросль», «Точка, точка, запятая», «Красная шапочка» — всего и не перечислишь), Юлий Ким успешно сотрудничал с известными композиторами: Владимиром Дашкевичем, Геннадием Гладковым и другими. Для меня, однако, всегда оставалось загадкой, как они пишут мелодии, — ведь все его песни уже содержат музыкальную пружину. В ту пору смутного безвременья, которой, казалось, не будет конца, Юлий Ким писал не только за «Ю. Михайлова», но и за себя. Это были едкие, горькие, обличительные песни, где улыбочивые театральные маски были сброшены. Такие, например, как песня «Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму», посвящённая его тестю Петру Якиру, или беспощадная по своей точности песня, где отражена попытка брежневско-сусловской администрации незаметно, шаг за шагом, снова втащить на опустевший пьедестал статую «величайшего гения всех времён и народов»: «А как у нас по линии марксизма? Ленин гений, Сталин покамест нет». Именно колючие песни Кима в те времена, вместе с песнями Галича, легли в основу «магнитофониздата», крамольного не менее, чем «самиздат».

Прошли годы, а число весёлых песен у Кима не убывает. Хотя на смену официальным гонениям прошлого пришло как будто достойное признание. (Хорошо, что при жизни, это у нас бывает редко — достаточно вспомнить Высоцкого или Галича.) Вышла первая пластинка с его песнями. Пьесу Кима «Ной и его сыновья» поставил Московский драматический театр имени Станиславского. Ставятся и другие спектакли по его пьесам. Вышли из печати сборники стихов и песен. Сам автор, не мыслящий жизни без театра, успешно работает с новым театром-студией «Третье направление», инсценирующим авторские песни. Кима, однако, не купишь. Острота и непримиримость его сатиры остаются прежними. Он и в ненадёжную для России пору кажущейся вседозволенности и гласности ухитряется писать такие песни, от которых у бывалых слушателей и сейчас холодок по спине пробегает. Так, в самом начале «эпохи гласности», когда А. Д. Сахаров ещё был в ссылке в Горьком, Ким написал весёлую «детскую» песенку про Машу, не верящую в бодрые речи «прозревших» бюрократов и постоянно твердящую: «Да, а бедный чижи́к, он всё видит в клетке, не поёт, не скачет — плачет». Несколько позже появилась «бодрая» песенка о возможной завтрашней судьбе энтузиастов перестройки: «Встанешь с видом молодецким, обличишь неправый суд — и поедешь со Жванецким отбывать, чего дадут».

И, наконец, уже совсем недавно приобрели широкую известность созданные им сатирические песни «Открытое письмо Пленуму Союза писателей РСФСР», печально известному своими откровенно анти-семитскими декларациями, и «Письмо великого князя московского литовской княгине», где высмеиваются бесплодные потуги центрального правительства удержать Литву от отделения. Песни эти лишний раз показали, что уничтожающая сила смеха во много раз сильнее десятков серьёзных обличительных статей. Приведу только один пример: песня «Открытое письмо...» кончается такими строчками:

А вам скажу, ревнители России,
Вы приглядитесь к лидерам своим:
Ваш Михалков дружил со Львом Кассилем,
А Бондарев по бабке — караим.

Не прошло и месяца со дня первого исполнения этой песни, как Наум Каржавин позвонил по телефону из США одному из своих московских друзей и спросил, правда ли, что Юрий Бондарев по бабке — караим...

Когда думаешь о том, что отличает авторскую песню от других форм поэзии, то приходит в голову, что автору песен для того, чтобы его слушали (ведь могут и не захотеть слушать!), совершенно недостаточно быть только одарённым поэтом или исполнителем. Надо ещё обязательно быть личностью. Интересной для окружающих. Чтобы позиция того, кто поёт, была небезразлична для других. Чтобы ему верили. Так вот, Юлий Ким — личность. Как Александр Галич, как Булат Окуджава, как Владимир Высоцкий. И это очень важно для нас — его современников. Поэтическая основа авторской песни многогранна. Песни Окуджавы и Новеллы Матвеевой — это лирические монологи, как правило, с серьёзной драматической интонацией разговора. Песни Галича, Высоцкого и Кима — это прежде всего театр. Что же отличает песенный театр Кима от театра Галича и Высоцкого? В первую очередь, смех с его многообразными оттенками, точно прописанными автором. Почти все герои его песен вызывают улыбки. Вот только улыбки эти разные. От сочувственной, доброй, сердечной улыбки, которую рождает незадачливый герой песни «Сенсация», схваченный инквизиторами Галилей или наивные, но героические персонажи песни «Мы с ним пошли на дело неумело», до презрительной ухмылки, которой только и могут быть удостояны тупоголовые начальники, вплоть до «верхнего эшелона»: палачи, сексоты, воинствующие бюрократы и мещане, подхалимы и алкаши. Чего стоит хотя бы один его знаменитый «Казачок», где танцуют две страшненькие «великие тени», обмениваясь на ходу под весёленький припев «Джан-джан-джан, чок-чок-чок» богатым опытом репрессий и подавления («Дорогой Леонид, ты меня послушай: если есть аппетит, ты бери и кушай»).

Но Юлий Ким — не только мастер сатиры. Он автор многих «серьёзных», глубоко лирических и даже трагических песен. И в них его поэтический почерк отличается точным ощущением внутренней гармонии слов, безошибочным вкусом, моцартовским лёгким мастерством. Диапазон этих песен также широк: от грустной песенки безнадежно-одинокого Петрушки и лирического гимна пушкинскому лицу до трагического «Реквиема», от которого сжимается горло («Не собирай посылки, мама»). И в этой последней песне опять почти неуловимая и точная по своему вкусу стилизация под народную «зэковскую» песню, которая только одна и может позволить себе роскошь обойтись без рифмы.

Диапазон литературных возможностей этого человека порой кажется безграничным. Одна из его последних работ в театре — музыкальное представление в двух частях «Московские кухни». Здесь в свойственной художнику лукаво-улыбчивой манере излагается совсем не смешная, драматичная и героическая история «освободительного движения» московской интеллигенции, возникшего в начале шестидесятых и беспощадно подавленного брежневско-андроповской системой к концу семидесятых. Со своими героями, своими отступниками, своими палачами и злодеями. Это, по существу, первое значительное театральное произведение, посвящённое диссидентам. Его прекрасно реализовал театр-студия «Третье направление». Действие, которое начинается с улыбки, кончается героическим реквиемом памяти павших и, к сожалению, недостаточно широко до сих пор известных героев этой эпохи «недавнего прошлого», которое грозит нам повторением в «недалёком будущем».

Глядя на Кима сейчас, в начале 1990-х годов, трудно поверить, что ему уже за пятьдесят: он так же непроницаемо молод внешне, в нём всё тот же электрический заряд энергии и таланта, всё то же силовое поле солнечной улыбки и разящего, как молния, смеха. Когда-то, много лет назад, от имени одного из своих литературных героев Юлий Ким написал песню с таким припевом: «Белеет мой парус такой одинокий на фоне стальных кораблей». Пожелаем попутного ветра этому парусу в наши грозящие штормовыми прогнозами дни — он указывает нам верный курс...

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

По многочисленным воспоминаниям дубненцев впервые Юлий КИМ побывал в нашем городе в 1963 году, после своего возвращения с Камчатки. В том же году вышла поэма Юлия Кима «Москва 1963», в которой целая глава посвящена Дубне.

ПОЕЗДКА В ДУБНУ

Бегут вагоны, спинами поматывают,
Дорожные молитвы проборматывают.
Проносится почти у переносицы
Столбов, кустов, берёз чертополосица.
Вдали плывёт церковенка-старушка.
Пасёт одну лохматую избушку.
А самый край, куда ни глазом, ни биноклем не достать,
Неподвижен, безразличен словно Будда.
Нельзя увидеть, можно только знать,
Что мы-таки дотукаем дотуда.
Вот под молитовку вагонную и вкатываешься
В оцепенение родимой беспредельности — и в ней
Сам цепенеешь на три тыщи дней,
И где-нибудь во Владике спохватываешься...
...Пошто живём, ребята, в городе?
Оно хоть суматошно, но ведь пусто.
Питьё, жратва... Зарплата по труду,
Труд по зарплате... Разве что искусство,
Наука, тра-та-та, посев идей,
Восход гипотез и фантазмагорий,
Решение вопросов и теорий —
Но тут же и сорняк, бурьян, пырей!
Вот человек и старится быстрей.
Мне иногда мерещится,
Что вот Москва — указчица,
А провинция — деревенщина
Всё тащится к ней и тащится,
Таща свои зори и зарева,
Откосы, покосы и марева,
И всё в Москву, как в общий котёл,
И валит, и валит, и валит!
А Москва добавляет специй,
Соли, дрожжей и перцу —

И варит, и варит, и варит.
И вот получается варево.
И нажравшись его до одури,
Горожанин па-шел в турпоходы.
А вернулся здоровый и бодрый —
Певец и знаток природы,
И саги сагает о далях и водах,
А провинция-дура поёт их...
Бывает так:
Идёшь. Москва.
Я знаю?
Знал бы, рассказал. Вдруг —
От какого-то толчка,
Ну, от листка,
От лепестка,
От милицейского свистка,
Ну, от капли,
Свысока,
С крыш двадцатиэтажных зданий —
Вдруг разом тронется тоска
Невоспомненных воспоминаний.
По всей клавиатуре чувств
Она берёт аккорд протяжный —
И ты бледнеешь, червь бумажный,
От пониманья, как ты пуст.
Да что же вспомнилось?
Кой чёрт!
Ведь я же говорю:
Аккорд... Протяжный...
Может, это залпы
И взрывы штормовой волны
У берега. А вам смешны
Её наскоки. Вас тревожит,
Что спирт кончается, а вы
Ещё достаточно трезвы...
А? Может это? Всё быть может...
Быть может, это птичий взлёт
И роскошь птичьего базара...
А может, просто:

Летит гагара,
Летит и горестно орёт...
Однажды Берия созвал совет учёных:
«Есть у меня излишки заключённых.
Где лучше город выстроить для лиц,
Работающих в области частиц?»
Один сказал: «Вон там».
Другой сказал: «Вон там».
Возникли прения и споры.
Но вот имеет слово САМ
(Затихли ветерки, замолкли птичек хоры):
«Зачем излишкам пропадать?
Конечно, здесь трясины и затоны,
Но ради нашей обороны...»
И постелил живую гать
Под наши синхрофазотроны.
Дубна!
Мечта моя Дубна!
Созданье гордое народа,
В стране — особая страна,
Где максимальная свобода
Уму и личности дана,
Поскольку именно она
Есть первой важности порука
Тому, что может жить наука.
(А без науки всем хана.)
Воистину:
Ни чинодралов,
Ни крепостных,
Ни генералов,
Ни разобщённости людской,
Возникшей в мерзостной погоне
За властью, костью, за деньгой —
Здесь все в другом живут законе:
Здесь подхалима засмеют,
Как и начальственный капризик, —
Здесь царствует учёный физик,
А значит: Ум, Свобода, Труд.
В глухие тайны углубясь,

Бродя по сумеречным чащам,
Здесь устанавливают связь
Меж бесконечным и мельчайшим.
Ловя и упуская нить
И осколзаясь поминутно —
Саму природу
(Хоть и смутно,
Хоть и уклончиво, и путано)
Всё ж заставляют говорить!
Дубна, Дубна!..
Окрестный лес
Давным-давно с ней дружбу водит:
Он по её асфальту бродит,
В секретный двор и то пролез.
С ней дружат лето и весна,
Зима и осень, лыжи-сани,
Грибы, черешня, «Мукузани»,
Поэты, дети...
О, Дубна!
Ей-богу! Я не краснобай,
Пленять намеренный стишками,
Я так...
И ты мне просто «Дай
Вздохнуть. Дай поразвесть руками...»
Туда! Туда!
Вагоны спинами поматывают,
Дорожные молитвы проборматывают...
— Привет! Ну, как дела на пи-мезонном фронте?
Так без конца всё синхрофазотроните?
— Так без конца всё синхрофазотроним.
А может, тему общую затронем?
Ну, как Москва?
— Да что... Стоит столица.
— А как вам Вознесенский, «Лонжюмо»?
— Да так себе... По-моему, дерьмо.
— А Эренбург? А Ромм?
А Солженицын? Якир?
Да-да!.. Ужасная судьба.
Как? Сын — в Москве? Без шуток — сын Якира?

Послушайте, у нас с женой квартира
Гигантская. Вот с ним бы — к нам бы, а?
Послушайте, рассказывайте, что ж Вы?
Мы тут совсем заглохли, старина.
Что нового плохого?
Что хорошего?..
Дубна, Дубна!..
Нда-а...

*Рассказывает **Инна Николаевна КУХТИНА** — ветеран ОИЯИ
(Лаборатория вычислительной техники и автоматизации), канди-
дат физико-математических наук.*

ВОСПОМИНАНИЯ О КИМЕ

Шестидесятые годы... Город Дубна находился в то время в периоде становления. Не было ещё никаких крупных предприятий на правом берегу Волги, кроме ОИЯИ. Институт тоже ещё только создавался как международный ядерный центр, стремительно расширяясь год от года. После окончания ведущих вузов Москвы (МГУ, Физтех, МИФИ) и таких городов, как Ленинград, Новосибирск, Томск, Воронеж, Алма-Ата, Свердловск, Одесса, Тбилиси, Ереван, сюда приезжали молодые специалисты. Научная, спортивная, культурная жизнь была ключом. Налаживалась тесная связь коллектива ОИЯИ с научной и культурной общественностью всех этих городов и прежде всего с Москвой.

В переносном смысле можно сказать, что в то время произошёл настоящий взрыв: множество тогда ещё непрофессиональных поэтов и музыкантов начали «выдавать на-гора» замечательные песни, мгновенно расходящиеся среди народа. Их творения стали называть авторскими песнями. Именно в те годы появились авторы, вскоре ставшие знаменитыми. До сих пор звучат их песни — в фильмах, на эстраде, в походах, на фестивалях... Среди основателей того нового песенного жанра, на мой взгляд, самыми выдающимися были Булат Окуджава и Михаил Анчаров. За ними появилась целая плеяда замечательных исполнителей: Юрий Визбор, Александр Якушев, Евгений Клячкин, Новелла Матвеева, Юлий Ким, Владимир Высоцкий. И следом — очень много ещё более молодых и талантливых авторов.

Мне посчастливилось в те годы быть в самом молодом активном возрасте. Мы с моим мужем Виктором Мельниковым приехали по распределению в ОИЯИ после окончания мехмата МГУ. Муж был моложе меня на год, он начал работать в 1957 году, а я чуть позже — в 1958. Муж мой всю жизнь проработал в Лаборатории теоретической физики ОИЯИ, а я начала работать в группе вычислителей, созданной при ЛТФ. Мы быстро влились в коллектив ОИЯИ и приобрели много друзей среди альпинистов, лыжников и «походников». Почти все выходные мы проводили в походах (пеших или байдарочных), зимой на лыжах, а в летний отпуск — в горах, на дальних реках или морях. При Доме учёных Института были созданы различные спортивные секции, а руководство ОИЯИ, уделяя огромное внимание спортивной досугу своих сотрудников, выделяло заметные средства на спортивный инвентарь и на проведение всевозможных культурно-спортивных мероприятий. Директором Дома учёных был Олег Захарович Грачёв — талантливый, энергичный и ничего и никого не боящийся человек. При нём культурная жизнь в Доме учёных была очень насыщенной: выставки, вечера, концерты с участием широко известных исполнителей, демонстрации фильмов — как наших, так и зарубежных — таких, которые невозможно было увидеть в отечественном кинопрокате. В Дубну стремились попасть все.

Авторская песня меня покорила сразу. Родилась я в городе Владикавказе, в казачьей семье, где все любили петь. И, несмотря на то, что математика стала моей любовью на всю дальнейшую жизнь, пела я всегда. Моим счастьем было то обстоятельство, что меня постоянно окружали такие же любители петь и слушать песни. Из моих друзей того далёкого времени необходимо вспомнить профессора, доктора физико-математических наук Александра Львовича Любимова. И вот почему. Он был очень живым, энергичным человеком, великолепным рассказчиком. Он имел очень много друзей в творческих и научных кругах Москвы. Благодаря ему у меня сложилось много интересных знакомств, в том числе и с Юлием Кимом.

Александр Львович жил в коттедже на Чёрной Речке, и не раз в его доме проходили встречи с гостями из Москвы. Там состоялось несколько таких вечеров с Юлием Кимом в начале 1960-х. Обычно Ким приезжал в Дубну со своими друзьями. Ким в те времена только начинал свою творческую жизнь. Работая на Камчатке, он написал интересный цикл песен о том далёком уголке советской земли, которые с удовольствием пел для нас. Запомнились и песни о событиях

1812 года. Ким не только прекрасно исполнял их, но и великолепно владел гитарой, что в те годы было достаточно редко. Мы, слушая его, испытывали невероятный восторг. Кроме того, его песни сразу же очень легко запоминались. Мелодии были красивыми, а стихи искромётными и энергичными, наполненными тонким юмором, а когда надо — иронией и сарказмом.

После тех первых приездов Ким стал желанным гостем у дубненцев. Мне посчастливилось быть организатором нескольких таких вечеров, и я имела возможность близко соприкоснуться с этим обаятельным человеком. Мы с мужем тесно общались с физиком-теоретиком Герценом Копыловым, с которым дружил Юлий Ким: неоднократно ходили с ним в походы (одним из самых памятных был поход на байдарках в Карелию), обменивались книгами, обсуждали научные проблемы. Пару раз Гера приглашал нас с мужем к себе в гости, когда к нему приезжал Юлий Ким. Точного содержания бесед во время тех встреч я не помню, но, как правило, говорили о том, что нас всех волновало: о жизни в нашей стране, о состоянии умов, о наших успехах и так далее. Ким всегда очень живо интересовался развитием нашего города, обо всём расспрашивая очень подробно и доброжелательно. Вместе с Копыловым он принимал большое участие в самиздате. Вместе они боролись за правду и справедливость.

Популярность у нас Ким приобрёл очень быстро. Песни его стали востребованы, особенно «киношниками»: во многих фильмах зазвучали его песни... С той поры прошло уже более полувека.

Иногда я посещаю концерты Юлия Кима и радуюсь тому, что до сих пор он ни капельки не утратил своей энергии и своего таланта. И до сих пор продолжает удивлять нас своим творчеством.

О масштабе личности Герцена Исаевича Копылова можно судить по следующей статье Юлия КИМА.

ГОРЕСТНЫЙ СМЕХ ГЕРЦЕНА КОПЫЛОВА *

Герцен Исаевич Копылов (1925–1976) был очень сильным физиком. Он любил свою науку, занимался ею самозабвенно, и у него мно-

* Копылов Г. Четырёхмерная поэма и другие неодномерные произведения. Мюнхен: Страна и мир, 1990. С. 339.

гое получалось. В 30 лет, зрелым человеком, полным сил, он приехал в Дубну, в Объединённый институт ядерных исследований, где и проработал до конца дней (а до этого, окончив физфак МГУ, преподавал математику в своём родном Днепродзержинске). В Дубне, как и во всех академических городках страны, хрущёвская «весна» чувствовалась особенно сильно, освобождение научной мысли естественно соединялось с общественным прогрессом, и ещё не представляли себе люди, как это можно сохранить первое и придушить второе. А тогда учёный люд с жаром рассуждал о счастливицах, и о живописи Пикассо, и о молодых поэтах и прозаиках, о новых голосах и веяниях во всех областях нашей культурной жизни. Все ходили в турпоходы, а Дубна особенно занялась воднолыжным спортом, в каковом и достигла выдающихся результатов.

«Весна», однако, была неровной. Хрущёв разрешил Солженицына, — но он же и доканал Пастернака. Распахнул, было, «железный занавес», — но и построил берлинскую стену. Были реабилитированы и возвращены десятки тысяч, — но сотни были и посажены, «на новенького». Однако надежда была ещё слишком сильна, весенняя распутица предполагала грязь, разумеется, временно. Поэтому тон всё-таки был мажорный, ирония — неуничтожающей. Сарказмы ещё были без горечи. Она пришла позже, когда «весну» сменило брежневское бессезонье.

Наши дубненские прогулки — вот что сразу встаёт перед глазами, чуть только вспомнится мне Гера Копылов. Мне кажется, с первого знакомства мы с ним только и делали, что бродили по окрестностям, и всегда поездка в Дубну означала для меня праздничный выезд на природу к родному человеку. Он таскал меня по тамошним лесам и водам с неутомимостью завязтого туриста, и лишь потом я понял, что неутомимость была ещё и необходимостью, потому что он знал, как ненадёжно его сердце и как важно поддерживать его общей закалкой. Впрочем, он, конечно, любил эти путешествия и сами по себе: и подышать вольным воздухом, и полюбоваться природой, и у костра посидеть, и поехидничать над бледной немочью изнеженных горожан.

Но он был не только турист, а ещё и доктор наук. По тем временам это была такая новая порода, неизвестная мне раньше, — математики-скалолазы, физики-воднолыжники, интеллектуальные демократы. Меня покорила их образованность, ирония, спортивность, замечательная свобода и простота в обращении. Я видел в этом — и сейчас вижу — идеальный стиль в отношениях между людьми, подлинную

интеллигентность. И Гера Копылов был органическим воплощением такого стиля. Потом я встретил много представителей этой породы. Были люди и поизящнее, и пошире, и обаятельнее, — но такую абсолютную, наивную искренность, как у Геры, я мало у кого видел.

Круг его близких был узок, и он не стремился к его расширению. Может быть, это усугубилось и давней болезнью сердца, с которой он боролся молча и упорно до последней минуты. На сорок восьмом году жизни он пережил первый инфаркт, второй свёл его в могилу. Врачи потом говорили, что это чудо — с таким сердцем прожить последние два года. Он же понимал ненадёжность своего сердца задолго до своих инфарктов. Вообще-то он был скорее человек замкнутый, и от него естественнее — или банальнее — было бы ждать самоуглубленной лирики, тайных дневниковых стихов, а не этой лихой скороморошины, не этого разгула вольного русского сарказма, как всегда, смешанного с горечью, этого праздника балаганного каламбура, каким является и вся его поэтическая книга. Вот уж кто любил побаловаться словом, покидать его с руки на руку, поиграть двойными смыслами, даже вставить в стих какой-нибудь засушенный учёный термин, где он начинал сиять совсем уж неожиданными гранями. Эта вольная игра и была его тайной страстью, и я не знаю, любил ли он свою физику так же, как эту игру. А что физику свою он любил, в этом не было никакого сомнения. Может быть, его блистательный перевод книги Фейнмана был попыткой объединить обе любви. Он был человек насмешливый и очень любил пошутить, особенно в рифму:

Кто, движимый гражданским долгом,
Был физиком, а стал парторгом,
Кто пишет ценные труды,
Кто детворе твердит зады.
Иной, как встретишь, вечно взмылен,
Зажат в тисках семейных дел,
Кто безнадежно заболел
Стремленьем мозговых извилин...

(В скобках заметим: «онегинская строфа», добавим также, что автор владел многими другими поэтическими формами.) Его пародии на статьи о науке опубликованы в знаменитом сборнике «Физики продолжают шутить». У него есть целая поэма о студенте-физике — «Евгений Стромьинкин» (на Стромьинке помещалось огромное студенческое общежитие МГУ), написанная под «Онегина» ещё при Сталине, ядовитая и весёлая, по которой видно, что автор прозрел

ещё до двадцатого съезда. А этим не всякий его ровесник может похвастаться.

Не меньше других он был заражён «весенними» надеждами. Но много острее других переживал последовавшее за надеждами разочарование. Когда грянули первые аресты и суды, а потом пошло-поехало и робкий протест был незамедлительно раздавлен, — томило меня чувство обиды на нашу науку: что ж вы, братцы, свободные интеллектуалы, отступились, промолчали, смирились, в то время как вам-то, кузнецам нашей обороны и космической техники, мерзавцы наши ничего существенного причинить не смогли бы? Наивный, конечно, упрёк, хотя и сегодня я испытываю то же недоумение. Славная когорта естественников могла бы, мне кажется... Но дело кончилось тем, что она лишь выделила свой список в наш общероссийский ссыльно-лагерный: Андрей Сахаров, Сергей Ковалёв, Александр Лавут, Юрий Орлов и ещё несколько десятков. И хотя Гера не сидел, я его по праву числю в этих рядах, потому что он всем этим болел, как никто, потому что он всё это — и своё страдание — выразил, как никто. И в первую очередь эта, а никакая другая, боль и доконала его изношенное сердце. То, что потом называлось «правозащитным движением», «диссидентством», не стало для Герцена Исаевича делом жизни, как это стало для Сахарова, но и в стороне он остаться не мог и не остался: он участвовал в этой стихийной оппозиции инакомыслящих так, как умел — литературно. В самиздате ходило несколько его эссе на злобу дня: «Как быть?», «Август 1972 года, или Торговля живым товаром» (под псевдонимом С. Телегин).

«Я начал всматриваться и сравнивать. И увидел, что типичные ситуации моей юности цветут и процветают. Пшеничные поля без хлеба, магазины без продуктов, лозунги без смысла, книги без содержания, города без истории, деревни без молодёжи, выборы без выбора, судилища без вины — этот традиционный исторический пейзаж всю жизнь маячил передо мной. Всё больше вокруг городов, машин, институтов, книг, — а основы жизни не меняются, застойный дух стыдливого умолчания и наглой, уверенной фальши по-прежнему витает над страной, сверхдержавные амбиции по-прежнему высасывают из народа живые соки, преступно слеп взгляд наш в будущее и преступно забывчива наша память. И не видно конца. Народ, как водится, безмолвствует. ...И если я могу назвать наши напасти немедленно, — я обязан это сделать. Если не я, то кто же?»

Это сказано в 1975 году и с замечательной ясностью выражает великое наше «не могу молчать», заставляющее бросать насиженное и нажитое и идти в мерзость советской каторги ради несбыточной справедливости. Кстати сказать, Герцен Исаевич был хорошо знаком с Юрием Орловым, как и со многими другими правозащитниками 1960–1970-х годов. Одного из них, Илью Габая, он даже ухитрился навестить в кемеровском лагере (им дали свидание). Писал письма, помогал деньгами... Но главное, чего хотел он больше всего, — это высказаться с возможно большей полнотой, со страстью, во всём блеске накопленного уже опыта, словесного мастерства, — и так, чтобы само запомнилось, въезжало без мыла, застревало без усилия, чтобы хотелось переписывать и давать соседям, чтобы растекалось, как встарь, — в списках. Вот чего он хотел, вот к чему стремился, когда писал свою самую мощную, самую смешную и самую горькую вещь: «Четырёхмерную поэму». Счастливо найденная основа — лубок — дала массу свободы для словесной игры, причудливой каламбурной вязи, удалой и неожиданной рифмовки, до которой он был большой охотник. Вот, например, фрагмент о кривичах:

Им за качество одно
Было имя то дано:
Что они, по воле вольной,
Шли всегда тропой окольной,
Не любили пряником,
Не ходили большаком,
Дело ладили с оглядкой,
Шубу новую — с заплаткой,
Дули в дудку, не дудя,
Проходили, не дойдя,
Завивали лысым кудри,
В заднем смысле были мудры,
Мёрзли вместе — грелись врозь.
Так у них уж повелось.
От хождения кривого
Всё точила их тревога.
То и дело путь меняли,
Веры никому не няли.
И, себя в конец запутав,
Здравый смысл послав на хутор,
Вдруг бросались очертя,
Смет и планов не чертя,

Шишки ставя на чело:
— Обойдётся!
— Ничаво!

Умел писать Герцен Исаевич Копылов, замечательный дубненский физик, автор капитальной монографии «Основы кинематики резонансов» и прекрасно популярной книги «Всего лишь кинематика»! В этой его главной поэме (1965–1972) прозвучала, наконец, и его лирика. Есть там строки, продиктованные личным чувством, хоть и прикрытые сюжетом (см. «Дневник Изи Вайсброта»). Но, может быть, ярче и откровеннее выразят сердце этого человека другие его стихи. Вот она, «онегинская строфа» Герцена Копылова во всей её пронзительности:

И, пряча голову как страус,
Стараюсь не заметить я,
Как подползает к горлу старость,
Венец процессов бытия, —
Когда финал метаний тяжких
Смерть подытожит на костяшках
И, сбросив разум со счетов,
Промолвит буднично: «Готов!»
И чем ясней финал блужданий,
Тем ближе нулевой предел,
Тем больше несвершённых дел
И неисполненных гаданий,
И нерастраченной любви —
Хоть распродажу объяви!..

Это было написано за 19 лет до смерти... Он, конечно, и хотел, и боялся быть напечатанным. Поэтому, повторимся, жаждал он естественного разбегания своей сатиры по добровольным многочисленным машинкам, — но при его жизни этого не произошло. Тем поразительнее слышать, насколько современно и свежо звучит и теперь его горестный смех.

В 1968 году Юлий Ким приехал в Дубну на «золотой» юбилей своего друга Александра Галича. Власти запретили Галичу отметить 50-летие в Москве. После Фестиваля самодетельной песни в Академгородке под Новосибирском в марте того же 1968 года, на котором Галич исполнил запрещенную песню «Памяти Пастернака», на него начались гонения, он превратился в опального поэта.

Вспоминает **Спартак Михайлович КОРЕНЧЕНКО** — ветеран ОИЯИ (Лаборатория ядерных проблем), кандидат физико-математических наук.

«ПОСВЯЩЕНИЕ ГАЛИЧУ»

19 октября 1968 года Галичу исполнялось 50 лет, и свой юбилей он отмечал в моём коттедже на улице Интернациональной. Как всегда, он приехал с Нюшенькой (так он называл свою жену Ангелину Николаевну) и с Марком Донским. В тот же день, отдельно от них, приехал Юлий Ким, который в подарок юбиляру сочинил и исполнил песню, впоследствии получившую название «Посвящение Галичу»:

Сэкономил я на баночку одну,
Да не вытерпел, глотнул — оставил треть
И поехал в подмосковную Дубну,
Там на Галича живого посмотреть.

А Дубна — она, ох, не близенько,
А в Дубне одна только физика,
Никаких идей — только формулы,
Никаких людей — видно, померли...

Позитроны, фазотроны, купорос,
Разгребаю я всю эту дребедень,
А как кончился физический нанос,
Вижу Галича с гитарой набекрень!

Он сидит себе нога на ногу,
Будто на губе, будто надолго.
Ой, какая ж чушь, блажь, которая
Человека в глушь запроторила?

А мне Галич отвечает: «Ты садись,
Да пройди ты свою баночку до дна!
Я ведь сам сюда приехал на всю жисть
И не выеду отсюда ни хрена!

Чай, протоны всё тебе застили,
А ведь в них вся соль, в них всё счастье:
Только тут и жить для своих целей —
И струна звенит, да и сам целей!»

Я расстёгиваю свой комбинезон,
Достаю газетку: на, мол, посмотри...
А в газете написано:

«ПЕРЕВОРОТ В МОСКВЕ. ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ НОВОЙ ВЛАСТИ:
О НАЗНАЧЕНИИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
ГЛАВНЫМ ЦЕНЗОРОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Тут мы кинулись в попутный позитрон,
И — в ЦДРИ. И там напились, как хмыри!
А наутро радио говорит,
Что, мол, понапрасну бухтит народ:
Это наши физики на пари
Крутанули разик наоборот.

Мы переглянулись — и в Главлит:
А там всё по-прежнему, ну и ну!..
Мы сложились с Галичем на пять пол-литр,
Сели без билета — и давай в Дубну...

А Дубна — она, ох, не близенько,
А в Дубне одна только физика,
Только тут и жить для своих целей —
И струна звенит, да и сам целей!
Эйн, цвей, дрей!..»

*Об этом юбилее Галича можно подробнее узнать и из воспоминаний **Вальтера Ильича ФУРМАНА** — ветерана ОИЯИ (Лаборатория нейтронной физики), кандидата физико-математических наук.*

ПОПЫТКА НАПОМНИТЬ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ...

Не знаю, полезны ли такого сорта воспоминания. Очень уж трудно поколению начала XXI века понять и воспринять обстановку и дух 60–70-х годов прошлого столетия... Мы, рождённые до Второй мировой войны, детьми и юношами успели пожить и поучиться в школе ещё в поздние сталинские времена, когда зловещие замыслы стареющего диктатора не успели, слава Богу, в полной мере осуществиться. Я имею в виду так называемую «борьбу с космополитами», дело врачей и всеобщий страх перед «органами», недавно отметившими свой «славный» столетний юбилей.

Болезнь и смерть Сталина застали меня в Воронеже, где в день последнего публичного выступления вождя на XIX съезде партии меня принимали в комсомол. Это было в райкоме. Заседание комиссии прервалось, все высыпали в коридор и внимательно слушали корот-

кую речь Иосифа Виссарионовича, которую транслировали по радио. Телевидения тогда еще не было.

Траурные митинги врезались в память мрачным молчанием мужчин и слезами женщин. В школе мы с траурными повязками стояли в почётном карауле у портрета Сталина. Год спустя об этом событии уже не вспоминали. Арест Берии в июне 1953 года был как гром среди ясного неба. Я случайно оказался в Москве с отцом на следующий день после его ареста. Видел много военных машин на Васильевском спуске и солдат с зелёными околышами на фуражках. Много позже стало известно, что в те дни в Кремле были настоящие бои между верными Берии эмгэбэшниками и армейцами. Об этом рассказывал В. Сосульников, работавший в ЛВЭ, который был участником тех боёв. Тогда я только перешёл в 9-й класс, и даже мне было понятно, что Лаврентий Павлович не мог быть «английским и немецким шпионом», как об этом сообщалось в газетах.

Доклад Хрущёва на XX съезде, который нам, студентам Воронежского университета, как бы по секрету зачитывали зимой 1956 года, для многих моих сверстников был крушением многих устоев и авторитетов. Но уже во время венгерских событий на наших комсомольских собраниях были бурные обсуждения, которые через несколько лет сказались на моих выступавших товарищах при распределении на дипломные работы. Их, например, не пустили в Курчатовский институт. Но, так или иначе, конец 1950-х и начало 1960-х годов были очень волнующим и многообещающим временем. Оно потом стало называться хрущевской «оттепелью».

Именно тогда, уже в Дубне, в начале 1960-х, когда я начал работать в ОИЯИ после выполнения дипломной работы, мне довелось познакомиться с молодым Юлием Кимом. Он приехал вместе со своим другом и будущим тестем Петром Якиром, сыном героя Гражданской войны, расстрелянного в 1937 году. Якир рассказывал о своем пребывании в лагерях после ареста отца и матери, о шедших процессах реабилитации жертв сталинских репрессий. Его отец, как и другие участники «фашистского военного заговора», был к тому времени уже реабилитирован. На Чёрной Речке в коттедже Гарика Оконова состоялся прекрасный концерт Кима, где он с молодым азартом пел свои ранние (камчатский и институтский) циклы песен. Как-то необычно, особенно в сравнении с Визбором и Окуджавой, прозвучали его искромётные песни типа «Четыре канавы, тридцать три ямы, 48 тысяч перепуганных собак...» или «Чёрное море», исполненные

с виртуозным артистизмом. После вечера пошли гулять по ночной Дубне. Все были молоды, полны надежд и радовались жизни.

Потом Юлий приезжал с концертами в Дом учёных — пока, после антихрущёвского переворота 1964 года и воцарения Брежнева, власти не начали постепенно «закручивать гайки». Очередной концерт Кима в Доме учёных как-то неожиданно отменили по рекомендации Первого отдела Института, а потом и вовсе он стал в Дубне персоной «нон грата». Это было следствием того, что он вместе с Петром Якиром, на дочери которого женился, стал активным участником правозащитного движения. В январе 1968 года вместе с Ильей Габаем и Якиром он составил и подписал обращение «К деятелям науки, культуры и искусства» с протестом против ущемления свободы слова и творчества. В том же году Кима уволили из школы-интерната МГУ, где он преподавал литературу, превратив его в свободного художника.

В очередной раз я слушал Юлия в Дубне опять на Чёрной Речке, в коттедже Спартака Коренченко на 50-летию Александра Галича в октябре 1968 года. В то лето в Дубне, на островке относительной свободы, отдыхали с жёнами Андрей Вознесенский и Галич. Ким приехал на юбилей вместе с Якиром. Оба уже были под плотным «присмотром» КГБ.

Вместе с ними Галич пригласил своего старого друга Марка Донского, коллегу по кинематографу, режиссёра признанных официально фильмов типа трилогии и «Мать» по Горькому, «Сердце матери» и «Верность матери» о семье Ульяновых, лауреата трёх Сталинских премий.

Такая вот удивительная дружба служителя режима и диссидента. Это была моя единственная личная встреча с Галичем. Раньше доводилось слышать плохие магнитофонные записи его квартирных выступлений, с дребезжащим голосом, и иногда даже не совсем трезвым... А на самом деле нас встретил молодежавый красавец-мужчина с аристократическими манерами и прекрасным звучным баритоном. У них с Юлием были близкие доверительные отношения.

Из песен, которые они попеременно с Кимом пели, запомнилась сочиненная к юбилею и исполненная Галичем с изрядной долей горечи «Баллада о взрослом велосипеде», а реально — о непризнании его творчества. Юлий был в ударе. С блеском и непринуждённо он исполнял свои уже известные песни, которыми искренне восхищался Марк Донской и присутствовавшие дубненцы.

В качестве подарка юбиляру Юлий вместе с Якиром спели песню, как они сказали, сочинённую в электричке Москва–Дубна. В песне, стилизованной под Галича, были такие слова:

...А Дубна — она, ох, не близенько,
А в Дубне одна только физика.
Только тут и жить для своих целей —
И струна звенит, да и сам целей...

В какой-то момент вечера Юлий сказал: «А теперь прошу выключить магнитофоны». И следом он спел очень злую песню, начинавшуюся словами:

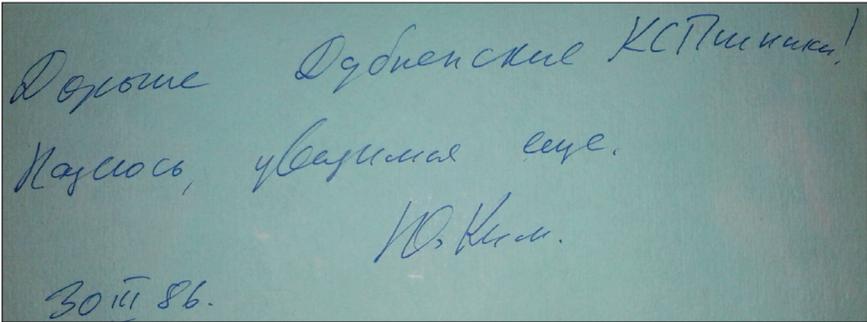
Послушайте, да вы, наверно, слышали:
Опять у нас берут за анекдоты!
Да вот недавно Иванова вышибли
С работы — ну что за идиоты!..

Песня эта была о двух случайных собеседниках, говоривших на рискованные темы, которые оба оказались «сексотами» (секретными сотрудниками КГБ). В конце вечера Марк Донской с подачи Галича пообещал Юлию пристроить его на работу в кино писать музыку и тексты к фильмам. В целом юбилей тот получился невесёлым. Участники вечера расходились со смешанными чувствами. Юмор и обаяние Галича, блеск и артистизм Кима омрачались пониманием того, что оба они гонимы властями и что у них нет перспектив быть признанными и благополучными. Уже тогда Юлий заговорил о псевдониме, под которым он мог бы начать дальнейшую работу. Через четыре года, как известно, Галич был изгнан из Советского Союза, а Ким в тяжёлых материальных условиях продолжил работу под фамилией Михайлов. В начале 1970-х, когда Якира опять посадили, а Ким отошёл от активного участия в правозащитном движении, я случайно встретил Юлия в московском метро. Мы узнали друг друга, и я спросил его, как жизнь. Он ответил с мрачноватым юмором: «Ушёл на дно, отлёживаюсь...» А на самом деле он продолжал в трудных, полуправовых условиях вести активную творческую жизнь в театре и кино, вынужденно скрывая свое имя.

В заключение хочу ещё раз подчеркнуть, что написанное выше расцениваю только как скромную попытку напомнить молодым людям, живущим в относительно свободной России с интернетом и Youtube, о том, в каких условиях жили и творили свободные люди в несвободной стране — такие, как Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Александр Галич, Юлий Ким и многие другие.

В 80–90-е годы прошлого столетия Юлий Ким очень часто посещал Дубну с сольными концертами. Члены КСП ОИЯИ (Клуба самостоятельной песни) до сих пор, например, вспоминают его приезд в марте 1986 года. Тогда Ким выступал в Доме учёных и общался с дубненскими бардами.

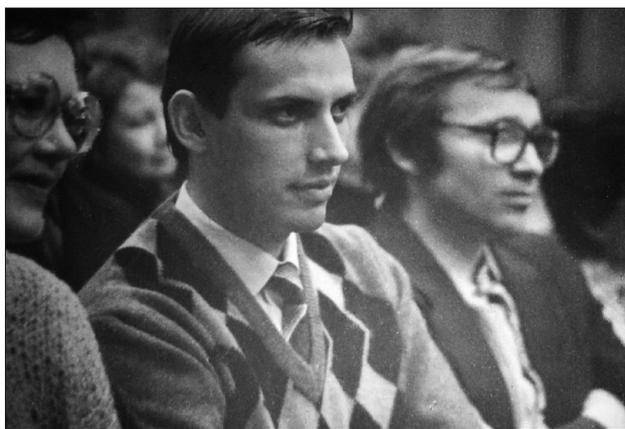
После концерта он сфотографировался с ребятами и оставил памятную надпись в книге почётных гостей: «Дорогие дубненские каэспэшники! Надеюсь, увидимся ещё! Юлий Ким. 30.03.1986». Слово своё Ким сдержал.

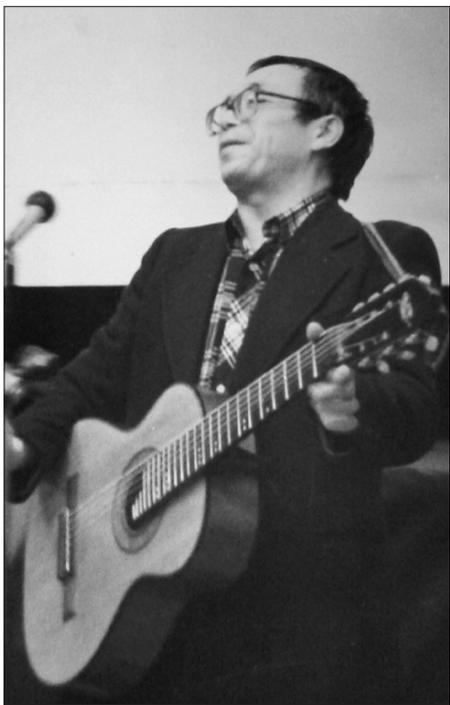
Дорогие Дубненские КСПшники!
Надпись, удержанная еще.
Ю. Ким.
30.03.86.

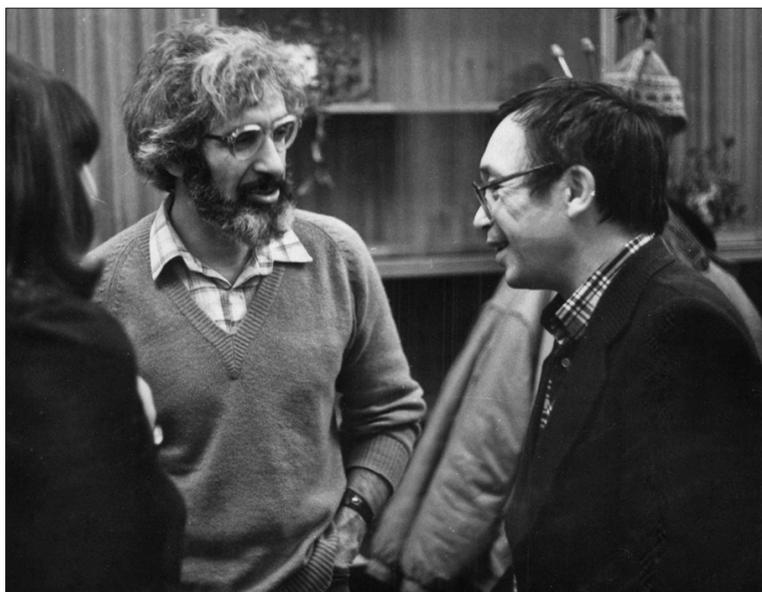

Концерт в Доме учёных. 1986 год (на с. 30–33 фото из архива Л. Золотухина,
на с. 33–36 фото С. Неговелова)

Каэспэшники Дубны на концерте Кима

В. Фурман и Ю. Ким. 1986 год

После концерта в Доме учёных ОИЯИ

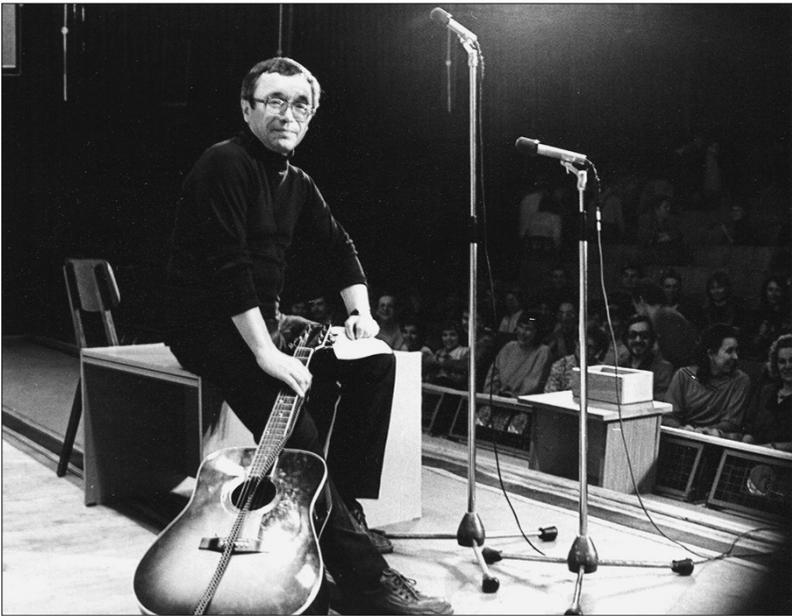

А вот о чём писал еженедельник ОИЯИ в марте 1995 года:

«В минувшее воскресенье в Доме культуры «Мир» выступал с огромным успехом Юлий Ким — бард, любимый и старыми, и молодыми. А накануне в Музее истории ОИЯИ он читал свои стихи, пел песни на вечере памяти своего друга Герцена Копылова, благодаря которому более 30 лет назад познакомился с Дубной. Первые восторженные впечатления от встречи с нашим городом он изложил тогда в поэме «Москва 1963», где на тусклом фоне древней столицы молодая Дубна выглядела как «уголок развитого социализма с совершенно человеческим лицом».

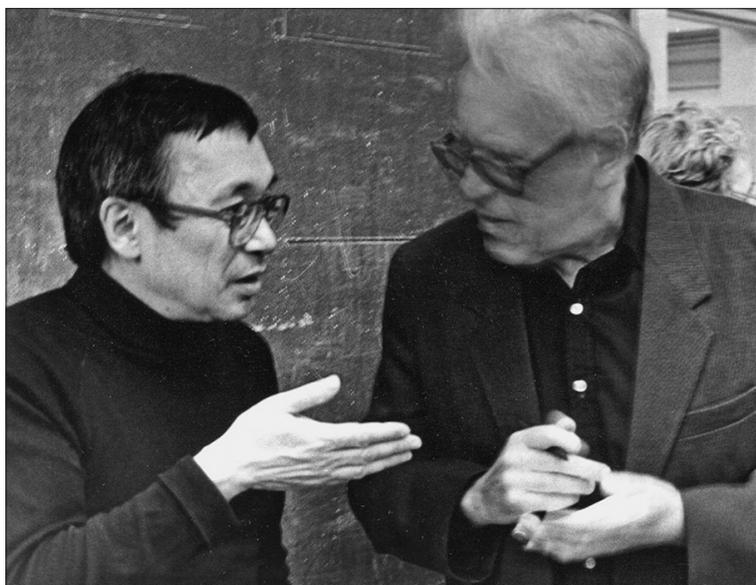

Концерт в ДК «Мир». 1995 год
(на с. 37, 39–42 фото из архива А. Шкоды)

1995 год (фото С. Неговелова)

Ю. Ким и Ю. Обухов после концерта

Чашепитие в ДК «Мир» после концерта

После концерта

А. Тяпкин, Ю. Ким, Д. Копылова, Н. Золотухина

Справа налево: А. Шкода и Т. Бек

Об одном из приездов Юлия Кима в Дубну в 1995 году рассказывает Анатолий Павлович СУМБАЕВ — кандидат физико-математических наук из Лаборатории физики высоких энергий ОИЯИ.

ЮЛИЙ КИМ И ГЕРЦЕН КОПЫЛОВ

Ещё в студенчестве я оказался причастным к массовому, если не сказать «повальному», увлечению авторской (то есть бардовской) песней. Увлечение получилось устойчивым. Поэтому уже многие годы спустя после того, как я в середине 1960-х попал на диплом в Дубну и остался работать в Объединённом институте, мне удалось организовать несколько концертов самых популярных бардов. Помимо огромного удовлетворения, получаемого от «живого» концерта, мне всегда было очень интересно встретиться с тем, кого я приглашал в Дубну, и почувствовать личность кумира в неформальной обстановке. Мне страшно хотелось пообщаться и с Кимом, но с его концертом в Дубне у меня как-то не складывалось.

Дубна 1960-х была Меккой для шестидесятников, свободолюбивых поэтов и бардов. Галич, Вознесенский, Высоцкий, Искандер, Ким приезжали в Дубну для отдыха и общения. Помните «Озу» Вознесенского? Там есть слова про Дубну, где у Андрея живут друзья и где берёзы «растут сквозь тротуары». Я часто задумывался, а кто были они, эти друзья, кто эти люди, не всегда обласканные властью, но которым собственное инакомыслие было дороже мнения системных руководителей и идеологических догм. Кто приглашал в Дубну опальных бардов и авторов шедевров поэзии «оттепели»? Ответ я нашёл не сразу...

Встретить Юлия Черсановича мне удалось лишь в 1995 году при организации вечера памяти Герцена Исаевича Копылова (1925–1976). Я был совсем краем уха наслышан о знакомстве Г.И. Копылова с Ю. Ч. Кимом, но о том, насколько духовно близкими были эти люди, я не подозревал и узнал об этом только от самого Юлия Черсановича.

Герцен Копылов — классический «шестидесятник». Именно в «послеоттепельные» годы физик Копылов сформировался как активный участник правозащитного движения. Он не участвовал в демонстрациях, как И. Габай и П. Якир. Но он выступал как публицист, избрав себе псевдоним Семён Телегин. Его статья «Как быть?» стала одной из самых заметных вех в самиздате того времени. А его стихами из «Евгения Стромьнкина» и «Четырёхмерной поэмы» зачитывались не

только близкие друзья и коллеги, но и многие другие, не всегда имевшие представление об авторе. Высочайший профессионализм учёного, талант педагога и популяризатора науки, несомненный литературно-поэтический дар и исключительные моральные качества — всё это гармонично сочеталось в Герцене Исаевиче с личным обаянием. Я знал Г. И. Копылова по прослушанному мной курсу лекций по кинематике столкновений элементарных частиц в физике высоких энергий, который Герцен Исаевич читал студентам старших курсов физфака МГУ. Мне он был привлекателен ещё и тем, что его рассказ о физических тонкостях мира элементарных частиц мне был понятен, несмотря на моё сугубо техническое базовое образование.

Я с энтузиазмом подключился к Генриху Варденге (директору музея ОИЯИ в то время) в его хлопотах по подготовке вечера 1995 года. Вечере приняли участие друзья и коллеги, родственники Герцена Исаевича, у которых с Юлием Черсановичем были прямые контакты. На приглашение приехать и поделиться воспоминаниями Юлий Черсанович ответил согласием без колебаний. Я спросил его, не будет ли он возражать против участия в вечере Андрея Крамаренко (московского барда, автора и исполнителя авторской песни), который уже побывал в Дубне и был согласен приехать на вечер, если, конечно, Юлий Черсанович не станет возражать. Юлий Черсанович сказал, что Андрюша ему симпатичен и что, конечно, он (Андрюша) «типа борозды не испортит». Андрей в вечере нам здорово помог своим исполнением песен Булата Окуджавы, созданных как раз в период «оттепели» 1960-х. Но мне запомнилась мягкость и искренняя деликатность Кима по отношению к Андрею.

Юлий Черсанович (Ю. Ч.) поведал нам о тех протестных событиях с участием Г. И. Копылова, о которых мы знали только понаслышке. Его рассказ о встречах и общении с Копыловым был конкретен и ярок. Конечно, Ю. Ч. пел. И было видно (чувствовалось), что его самого воспоминания (память) о Герцене Исаевиче задели и тронули. Мне показалось заметным его волнение. Меня всегда восхищала необъяснимая гармония простоты языка Кима с исключительно обширным словарным запасом, насыщенным синонимами, в то же время даже в этом его необычном рассказе об известном мне человеке, но представленном в совсем другом аспекте, облик Копылова оставался узнаваемым. Уже во время чаепития в завершающей стадии вечера я задал Ю. Ч. вопрос, который не давал мне покоя много лет: кто же были те люди, которые приглашали его в Дубну. В его ответе

не оказалось ничего необычного: Я. А. Смородинский и Г. И. Копылов. При расставании Ким спросил меня, знал ли я Копылова. «Да, — сказал я, — я слушал его лекции и сдавал экзамен по кинематике».

— Ну и как? — спросил Ю. Ч.

— Мы остались друг другом довольны, — ответил я.

Юлий Черсанович хмыкнул. Мне показалось, что мой ответ ему понравился.

*Вспоминает **Генрих Людвигович ВАРДЕНГА** — ветеран ОИЯИ, кандидат физико-математических наук, поэт, переводчик, советник при дирекции ОИЯИ.*

О ЮЛИИ КИМЕ И ОБ АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

Свой рассказ о немногочисленных и кратких встречах с Юлием Кимом и, разумеется, о моих впечатлениях от многолетних и частых соприкосновений с его творчеством хочется начать с некоего лирического отступления на тему моих личных взаимоотношений с бардовской песней.

...Я родился в Тбилиси и прожил там почти до 30 лет. С детства я увлёкся классической музыкой, к которой меня, как и большинство людей моего поколения, приобщила чёрная тарелка репродуктора. Позже, в старших классах, я начал ходить на концерты и интенсивно пополнять своё собрание долгоиграющих пластинок. А песенной стихией, в которую я был погружён, оставалось грузинское многоголосие, отнюдь не только концертное, но и бытовое — в самом прямом смысле слова. Летние вечера во дворе или дни рождения — словом, любые посиделки не обходились без песен, причём поразительно, как мгновенно и безошибочно раскладывались они на голоса и как любовью заглянувший на огонёк с ходу встраивался в эту гармонию.

Как возник этот угнездившийся в генах песенный лад? Наверное, из интонационных особенностей грузинского языка. Но хочется думать, что породило его вековое пейзажное четырёхголосие грузинской земли — этого райского уголка планеты: хмельное альтовое раздолье Алазанской долины, вечнозелёные сопрановые подголоски Колхиды, баритонная размеренность черноморского прибоя и бани — *basso ostinato* нависшей над ними гигантской голубой волны Кавкасион с её великолепным пенным гребнем...

И вот после этого грузинского песенного роскошества вскоре по приезде в Дубну меня привели в квартирку знакомого физика, заполненную его приятелями, которые не очень ладно весь вечер пели туристские песни с их неизменными дорогами, рюкзаками и кострами. И пелось это истово и серьезно. Я деликатно помалкивал, а когда расходились, сказал тому, кто меня туда привёл, что эта «посиделка» похожа на спевку трясунов-пятидесятников. Это первое впечатление надолго определило моё скептическое отношение к жанру авторской песни. И оно не оттаивало даже в туристических походах с их неизменными песнями у костра. И, тем не менее, из этого разлитого репертуара я сумел выделить для себя трёх безусловно талантливых авторов: Кима, Новеллу Матвееву и Визбора.

Но радикально моё отношение к возможностям жанра изменилось после первого же прикосновения к песням Окуджавы. Помню, как я вошёл в общежитие на Инженерной и услышал негромкий голос, который пел простую мелодию с простыми словами, но она буквально вонзилась в меня. И я замер. А затем вбежал в комнату к хозяевам магнитофона и услышал впервые это имя — Окуджава. Вот тогда-то я впервые поверил, что в этом бардовском разливе есть подлинности, которые я пронесу через всю свою жизнь. И Окуджава стал для меня, безусловно, первым в жанре авторской песни. И остаётся в этом качестве по сей день. Поэтому мне так приятно, что в документальном фильме Владислава Виноградова «Мои современники», приуроченном режиссёром к 60-летию Булата Шалвовича (1984 год) и многократно показанном по Центральному телевидению, я с моим ереванским другом Ромой Мартиросовым поём на два голоса «Виноградную косточку» под его гитару, а подыгрывает нам Пётр Тодоровский. И снималось это всё в Дубне на квартире у Майи Аникиной.

И, конечно же, уверенность в возможностях жанра упрочилась знакомством и дружбой с Александром Галичем, который в августе 1968 года, будучи в Дубне, дважды приходил ко мне с Л. Копелевым и их жёнами и пел весь вечер свои замечательные песни в комнате, забитой моими друзьями-приятелями, многие из которых пришли с магнитофонами. А потом, уже в Москве, он подарил мне на день рождения переплетённую книжку с машинописными текстами своих песен — «догутенберговское издание», как он написал в посвящении.

Но вернёмся к началу. Я приехал в Дубну как сотрудник грузинского Института физики в долгосрочную командировку для участия в со-

вместном с ОИЯИ эксперименте. Мне очень повезло: я попал в сектор Оконова, который сумел собрать замечательную группу талантливых молодых крепких физиков и чудесных людей. Хочу назвать их: Серёжа Хорозов, Лёша Барабаш, Юрис Лукстиньш, две Майи — Аникина и Журавлёва — и Юра Тахтамышев. Несколько позже к нам присоединились юные Саша Голохвастов и дипломник из Польши Марек Газдзицкий. Расстаться с такой группой было невозможно, поэтому в 1965-м я перебрался в Дубну насовсем.

Итак, мой первый день в Дубне. 20 марта 1962-го. Город блистал огромными лужами: водостоки не поспевали за оттепелью. И это был зримый образ той большой «оттепели», которую переживала страна. Несколько почернелых изб, непрременные коровы и козы по дороге из общежития в ЛВЭ и прочие прелести деревни-предшественницы никак не предвещали юному посёлку-подростку того великолепного преобразования, которое ему, подобно гадкому утёнку, суждено будет в будущем. Но уже тогда отчётливо обозначились некоторые очень важные отличительные черты существования многонационального институтского сообщества. Я имею в виду наш Дом учёных с его весёлыми и шумными праздниками землячеств (стран-участниц ОИЯИ) и незабываемые, чуть ли не еженедельные встречи с яркими деятелями культуры: режиссёрами, артистами, поэтами. И в частности — с бардами.

Вот там я и услышал впервые «живого» Юлия Кима. Ким пленил меня, прежде всего, своим безусловным композиторским даром и остроумными текстами, которые так славно ложились на его весёлые мелодии. Вспомните его «камчатский» цикл или цикл «военно-исторический». В последующие годы мелодии стали менее броскими, но зато сколько новых красок добавилось в его палитру! Сколько замечательных фильмов и спектаклей запомнились нам не только игрой актёров и режиссурой, но и его великолепными песнями либо песенными текстами для других композиторов. После одного из многих его концертов в нашем ДК «Мир», во время кратенького чаепития, за ним последовавшего, я сказал Киму, под впечатлением той программы, что это поэтика масок, а нам так хотелось бы его собственных лирических высказываний. Я не помню, что он мне ответил, но хорошо помню, что потом мне было стыдно за эти сказанные сторяча слова: ведь многие годы он твёрдо и бескомпромиссно реагировал на нарушения прав человека в Советском Союзе — и письма диссидентские подписывал, и песни диссидентские сочинял — и был на волосок от

ареста, но обошлось запретом печататься под своим именем. Вот тогда-то он и стал сочинять для театра и кино. И большинство зрителей только после перестройки узнало, что под псевдонимом Ю. Михайлов скрывался Юлий Ким. И, конечно же, он был вынужден удерживать в рамках свой концертный репертуар. В какой-то мере я исправил тогдашнюю свою оплошность спустя много лет: в том же ДК «Мир» в 2017 г. я прошёл к нему в артистическую во время антракта и сказал примерно так: «Ваша гражданская позиция никогда не вызывала сомнений, но впервые в ваших песнях — по крайней мере в Дубне — она обозначилась с такой жёсткостью и определённой». А он мне ответил, что подступает столетие революции, а большинство людей так и не поняло, какой трагедией она обернулась, и об этом необходимо говорить.

У Юлия Черсановича — особое отношение к Дубне, и он довольно часто приезжает к нам. Причиной тому была его дружба с Герценом Копыловым, в котором талант физика-теоретика по-хорошему соседствовал с талантом поэтическим. Та их дружба питалась общностью взглядов на происходящее: оба поэта смотрели на жизнь с весёлым прищуром, который зачастую становился пронизывающим — как при чтении приговора...

Гера Копылов работал в ЛВЭ в секторе незабвенного Михаила Исааковича Подгорецкого; третьим в их маленькой группе физиков-теоретиков был Володя Любошиц. Их комнаты располагались в нескольких шагах от комнат нашей экспериментальной группы — сектора Оконова — и все трое по нескольку раз в неделю заходили к нам для того, чтобы обсудить научные или политические новости или же просто попить кофе. Гера Копылов приходил реже других, только для каких-либо существенных обсуждений. Он был мудрым и кристально-чистым человеком. Но при этом ещё и человеком социально активным — помогал семьям политзаключённых. В меру своих возможностей в этой деятельности соучаствовала и наша группа — «взносы» собирала у нас Майя Аникина и передавала Гере, а от него они попадали, надо полагать, к Киму. В рассказе о Копылове я так подробен не только потому, что с Кимом они были близкими друзьями. Мне запомнились связанные с их дружбой две встречи с Юлием.

Одна из них, предельно краткая, состоялась 27 марта 1975 года. В тот день Гере исполнилось 50 лет, и, со свойственной ему нелюбовью к публичности, юбилей свой он справлял у себя дома. Мы с Майей Аникиной решили пойти к нему, купили какой-то подарок, цветы

и договорились быть предельно деликатными — поздравить и сразу же уйти. Дверь открыл нам Гера, очень обрадовался и стал настоятельно приглашать к столу, за которым сидели только его жена, двое детей и Юлий Ким. Он тоже разулыбался и присоединился к Гериным настояниям, но мы не поддались их уговорам и поступили, как договорились. Увы... через полтора года Геры не стало.

...А 30 лет спустя в библиотеке ОИЯИ мы отмечали его 80-летие, на которое приехал Юлий Ким. О Гере говорили люди, хорошо его знавшие, и я в их числе. Своё выступление я завершил написанным к этому дню стихотворением «Памяти Герцена Копылова». Вот его последняя строфа:

Мы от рожденья — пленники былого.
Густеет мгла над морем слов и лиц.
Но жив весёлый скальпель Копылова
Но сыплет искрами с его страниц.

Я позволил себе привести эту последнюю строфу только потому, что, едва я завершил чтение, Юлий Черсанович вскочил со своего места с вытянутым кулаком с поднятым большим пальцем, быстро подошёл ко мне, пожал руку и попросил листок с текстом. А потом и он выступил и прекрасно говорил о Гере и об их общем друге Илье Габае. И мы продолжили разговор за последовавшим чаепитием.

В завершение своих затянувшихся заметок хочу сказать вот что. Кем бы ты ни был, прежде всего надо быть весёлым — так можно итожить один из монологов Жванецкого. Ни Окуджава, ни Галич, ни Высоцкий не дожили до XXI века. Перебраться в него сумел только Юлий Ким — не только самый музыкальный, но и самый весёлый из большой четвёрки российских бардов. Наверняка именно это помогло ему единственному дожить до той поры, когда в мире обозначился решительный перелом в отношении к авторской песне: её перестали считать творчеством второго сорта. Свидетельство тому — Нобелевская премия, присуждённая в 2016 году американскому поэту-певцу Бобу Дилану. И замечу, что он был не единственным кандидатом: на равных с ним конкурировал умерший вскоре после этого канадский бард Леонард Коэн. Могу похвастаться, что у меня есть большая книга его стихов и песен и две-три из них я перевёл для журнала «Сноб». Но, к чести жюри российской национальной премии «Поэт», оно предвосхитило это позднее озарение нобелевского комитета: в 2015 году эта премия была присуждена Юлию Киму — на радость

великому множеству горячих почитателей его таланта, блистающего столькими гранями...

Я желаю Юлию Черсановичу, чтобы жилось и работалось ему так же интенсивно и весело, как удавалось до сих пор, и чтобы длилось это как можно дольше. И чтобы не рвалась крепкая ниточка, связывающая его все эти годы с Дубной, которая продолжает любить его так же нежно и преданно.

Вспоминает Надежда Сергеевна КАВАЛЕРОВА — директор Музея истории науки и техники ОИЯИ.

В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ВАЖНЫЕ МОМЕНТЫ

В жизни каждого человека есть важные моменты, повлиявшие на его мировоззрение. Как правило — это встречи, события...

В далёком 1964 году я училась в одиннадцатом классе московской школы № 169. Наша классный руководитель, учитель литературы Галина Николаевна Сачкова, пригласила на один из школьных вечеров тогда малоизвестного барда Юлия Кима. Галина Николаевна дружила с Петром Якиром — сыном репрессированного в годы сталинизма полковника И. Якира. А Юлий Ким был женат на его дочери Ирине. Дело в том, что Галина Николаевна (по отцу Крапивняцкая) хорошо знала этот круг «детей врагов народа» из семей крупных военачальников, так как её отец — один из создателей регулярной Красной армии на Украине — много лет провёл в лагерях ГУЛАГа. Наша учительница была ярая антисталинистка и не уставала нам рассказывать о злодеяниях по отношению к писателям, поэтам, актёрам, военным, врачам и простым гражданам в годы большевистского и сталинского режимов. Нам тогда казалось, что всё это уже история, хоть и недавняя.

На дворе стояла «оттепель». И вот концерт Юлия Кима. На школьной сцене появился человек азиатской внешности, в сильно увеличивающих глаза очках, невысокого роста, с гитарой. Мы тогда не знали, что такое «авторская песня». Все мы тогда были увлечены «Битлз», не признавая ничего другого. А тут вдруг попали под обаяние своеобразного, негромкого голоса, гитары и главное — содержания песен. Помню, что Ким тогда исполнил цикл, посвящённый войне 1812 года, «Песню учи-

теля обществоведения», «Рыбу-кит» и несколько недавно им написанных песен, полных юмора, неожиданных образов, озорства.

Что-то во всём его облике было необычное, раскованное, не «совковое». Перед нами был СВОЙ. И в то же время — мудрец. Помню, мне подумалось: «Повезло тем ребятам, у которых он преподаёт историю». Ким в то время работал в школе. «А я общество ведаю, ведаю, а оно заведует мной...»

После того концерта мы долго цитировали слова из песен, напевали их, стали следить за творчеством Кима и полюбили авторскую песню как жанр. Но дело даже не в этом. Веяло от него какой-то неординарностью, внутренней свободой, он был настоящим «шестидесятником». И таковым, по-моему, остаётся до сих пор.

*В 2005 году в Москве была издана книга в память об известной советской писательнице и поэтессе **Татьяне БЕК**, судьба которой удивительным образом переплетается с Дубной. Она была дружна с некоторыми поэтами-физиками из ОИЯИ (например, с А. Н. Сисакяном и Г. Л. Варденгой). Организатором её приездов в Дубну была сотрудница ОИЯИ Александра Степановна Шкода, которая более 25 лет возглавляла Дубненский филиал Фонда культуры нашей страны.*

Когда-то Татьяна Бек писала: «Физики Дубны — не будем спорить: мистика места существует и нашу жизнь таинственно окрашивает — как лирики! Кто бы мог подумать, что многие серьёзные учёные знаменитости одновременно и поэты!»

Дружила она и с Кимом. В сокращённом виде приводим статью из книги Татьяны Бек под названием «По жизненному пути», которая дополняет образ нашего главного героя.

ПО ЖИЗНЕННОМУ ПУТИ*

- **Юлик, мы сначала пойдём по жизненному пути...**
- Пойдём!
- **...А потом — проблемы.**
- Ага. Проблемы.
- **Вы можете назвать мне, когда вы впервые себя помните?**
- Память у меня, во-первых, плохая. Я знал людей, которые себя помнили с двух-трёх лет. Причём очень подробно, а один говорил,

* Бек Т. Она и о ней. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2005.

что чуть ли не каждый день помнит с тех пор, как себя осознал. Такое свойство памяти. У меня всё с обратным знаком. Только коротенькие вспышки, связанные с войной... 1941-й год. Мне пять лет. Город Наро-Фоминск. Потом я помню вокзал, тёмный, и — это уже исторический факт — мы уехали из Наро-Фоминска последним эшелоном. С сестрой, бабушкой, нянькой и тёткой, которая жила в Люберцах.

— **Вы подмосковный?**

— Нет, родился-то я в Москве. Это чёткий факт моей биографии. (*Смеётся*). А «час зачатья я помню неточно...». И час рождения тоже. В 1936-м я родился, а в ноябре 1937-го папу взяли: мне года не было ещё. В феврале его расстреляли, а чуть позже арестовали маму. Ещё мне не было двух лет — нас с сестрой забрали родственники, хотя над нами уже нависал детский дом, приют... Но нас быстро выхватили дедушка с бабушкой, и мы оказались при них в Наро-Фоминске. А потом тётушка нас забрала накануне немцев: немцы вошли на следующий день после того, как мы уехали. Увезла к себе в Ухтомку, где мы и провели всю войну. Потом мама вернулась из лагеря, и мы поселились в городе Малоярославце, за 101-м километром, где мы с Алей провели всё наше отрочество... Далее мы удалились в Туркмению.

— **Как так?**

— Так... Мама завербовалась на строительство главного туркменского канала — ей сказали, что в Туркмении посвободнее и полегче, а главное, там всё подешевле. Так оно и оказалось... И зажили мы по-царски. Как я помню первое впечатление от среднеазиатского базара! Огромные горы всякой еды — и сырой, и печёной. Всё — пахнет. Горы дынь и арбузов. Невероятного размера помидоры. Всё большое, всё огромнее, чем в России. Даже картошка. И особенно хороши были эти самые — как их? — чуреки, лепёшки жареные, свежие, горячие — с картошкой...

<...>

— *Мне та-а-ак понравилась ваша книга «Однажды Михайлов» — о детстве, о школе, о юности, о Лубянке! Как там выразительно дано ваше время! Её надо читать, её надо пропагандировать... Из этой книги я узнала, что вы после окончания пединститута работали школьным учителем, причём последовательно в трёх разных школах. Что вам дала работа с детьми и что вы из неё перенесли на законы литературного (и театрального) творчества в целом?*

— Когда я думаю о стихах Булата Окуджавы, мне всё время мерещится школьный учитель. А мы с Булатом в чём-то шли параллельно... Он ведь тоже учительствовал. Когда я учился в Малоярославце, он учительствовал в школе в Калужской губернии, в соседнем районе. Да. И мне кажется, что у него в стихах и в песнях постоянно звучит нотка этого учительствования. Слегка назидательная... Я всё время задавался вопросом: а нет ли у меня такой нотки?

<...>

— *Теперь у меня будет сложный вопрос. Насчёт диссидентства.*

— Ничего сложного нет. Для меня существуют только две сложные темы, которых я сторонюсь. Это «я и женщины» (*смеётся*) и «я и религия». Всё объясняется чрезвычайно просто. Диссидентство — это не профессия. Это историческое призвание. Обращено оно было ко всему нашему обществу, а откликнулись на этот исторический призыв немногие. Если иметь в виду строгое диссидентство — людей, которые сознательно шли «на статью».

— *Например, из бардов «на статью» шёл только Галич, да?*

— Из бардов? Да. Немножко — ваш покорный слуга и, конечно, да, Галич. Остальные тоже делали своё дело, и, может быть, кто-то творчески даже лучше Галича, но вот на статью конкретно — с прямыми обвинениями советской власти — тянул он. Теперь ещё о диссидентах. Диссидент — это человек, который крикнул: «Не могу молчать!» Не побоялся сделать это в разгар советской власти. Но это его не обязывает кричать всю оставшуюся жизнь. Диссиденты тогда кричали: «Дайте сказать!» И Горбачёв им дал.

— *А после Горбачёва?*

— А после Горбачёва диссидентство кончилось.

<...>

— *Вы себя относите к жанру «авторской песни»? Если да, что этот термин означает?*

— Лучше всего на этот вопрос ответил Митя Сухарев... Он приходит к выводу, что барды — это те, кого так называют. (*Смеётся*.) Если предложить другую формулировку, например: «Бард — человек, который сам сочиняет музыку и стихи и сам их исполняет», — тогда вылетает масса людей и сам Сухарев. Потому что он пишет стихи и сам их исполняет, но не специально, а при случае, как автор стихов... Но он же не выступает с гитарой. Дальше. С другой стороны, вылетают Никитин и Берковский и ещё целая куча знаменитых людей, которых принято называть бардами... Дулов качается: он пишет то на

свои стихи, то нет... Я тоже начинаю колебаться, потому что у меня много песен, написанных на чужую музыку — Гладкова, Дашкевича... Вроде «Бумбараша» и так далее. Чистых бардов у нас остаётся только двое. Только Вероника Долина и Михаил Щербаков. Нет, я не прав. Ещё Высоцкий. Да, Окуджава и Галич — тоже чистые барды.

— ***Кого вы больше всех любите из бардов?***

— Михаила Щербакова, конечно. На меня сильнее всего действует Щербаков, большая часть репертуара Булата и, конечно, очень сильно — Высоцкий. Чрезвычайно хороша и ещё недооценена Новелла Матвеева. Я всё жду, когда же у кого-нибудь доберутся руки сделать спектакль по её песням, их все аранжировать. Почему-то Лена Камбурова до этого никак не доходит. Там такое музыкальное богатство! Такой и книжный, и некнижный романтизм — красивый, искренний, гриновский...

<...>

— ***Сколько лет вы уже живёте в Израиле, какова ваша «израильская сага»?***

— Ой, я всё думаю, в какой форме эту сагу написать. В первый раз я оказался в Израиле в 1990 году. Это было двухмесячное знакомство... И уехал оттуда с чувством, что просто побывал в каком-то кусочке России, что в каком-то смысле я не был за рубежом... Знаете, как бы смесь Эстонии с Туркменией! (*Смеётся.*) Смесь Европы с Востоком для меня не стала неожиданностью. И на израильские базары я вступал с воспоминаниями о туркменских базарах. Короче, израильская экзотика меня не ошеломила... Тогда я даже и не думал, что смогу остаться жить в Израиле. А потом обстоятельства сложились так, что... я постоянно наезжаю в Израиль.

<...>

— ***Откуда в России время от времени это вспыхивающее «евреи виноваты»?***

— Это касается, наверное, не только России. Поиск виноватых ведётся вообще, и среди евреев в первую очередь. Надо вглядываться в природу антисемитизма в целом... Часто людям хочется искать врага на стороне, чем пользуются политики. Отсюда — фашизм.

<...>

— ***Я знаю, что вы не любите гражданский пафос и считаете, что даже великие поэты остались в культуре не за счёт этого пафоса, а вопреки. Правильно я вас поняла?***

— В данном случае я исходил скорее из поэзии шестидесятников, которым пафос претил чрезвычайно, и они его всячески снижали...

Без пафоса никто прожить не сможет. Без серьёзного восторга и без слёз не будет ничего. Просто мы выросли на ложном пафосе нашей пропаганды — и всякий открытый пафос стал казаться фальшивым.

— *Я вас хотела спросить, кого бы вы хотели назвать своими главными учителями, но из разговора понял: наверно, Шварца?*

— Из литературных учителей, из литературно-театральных? Шварц — безусловно. Но в первую очередь — Петя Фоменко. Юра Коваль. В песенном смысле на меня сильно действовал Высоцкий... Лет десять на меня влияла «Вестсайдская история». Я унижался даже до прямых цитат! Конечно, очень большое влияние на меня оказал Давид Самойлов и знакомство с ним. Таковы важнейшие источники.

Вопросы Юлию Киму на дубненском телевидении задаёт депутат городского Совета депутатов Игорь Альбертович ВЯЗЕМСКИЙ.

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА 2010 ГОДА

— *Юлий Черсанович, мне очень понравилось название статьи о вас в «Московском комсомольце» за 2006 год: «Каким ты был, таким остался»... Может быть, поговорим о любви между вами и Дубной?*

— *(Ким смеётся.)* Да... Я приехал сюда, как в родной дом. Я всегда себя считал земляком дубненцев. Появился я здесь впервые 47 лет назад и с тех пор наезжаю неоднократно. Здесь жили мои друзья. Их, правда, многих уже нет на свете... В 1963 году я появился здесь впервые... Обстоятельства не очень помню. По-моему, это было связано с приглашением Петра Якира в Дубну. А я как раз в начале 1963-го с ним познакомился, и он прихватил меня с собой. Это было, скорее всего, весной. И потом это было ещё несколько раз подряд в том же 1963-м и 1964-м. Я тогда бывал неоднократно здесь в Дубне и свёл дружбу с замечательным физиком Герценом Исаевичем Копыловым. Он был уже тогда доктором физических наук. Через него я познакомился с Михаилом Исааковичем Подгорецким и Яковом Абрамовичем Смородинским. Смородинский был попозже, в 1965-м он рекомендовал меня в школу Колмогорова.

Вообще с Дубной меня чрезвычайно много связывало... И сразу мне Дубна очень понравилась. Особенно из-за своего ощущения внутреннего быта. Я помню, например, дубненцы мне рассказывали:

у них было такое противостояние с московскими жуликами, воровавшими велосипеды. Вся Дубна, вдоль и поперёк, каталась тогда на велосипедах. У магазинов были такие стойки для велосипедов, куда они их ставили, не запирая. Чем московское жульё воспользовалось — разузнало об этом и стало пастись в Дубне. Но дубненцы продолжали кататься на своих велосипедах, и жулики отстали. Также мне рассказывали о том, как бережно строили по отношению к лесу дома, пытались как можно больше сохранить деревьев вокруг домов. И это удалось. И я ходил одно время по Дубне, как по парку. Я даже стихи об этом сочинил:

Дубна, Дубна! Окрестный лес
Давным-давно с ней дружбу водит.
Он по её асфальтам бродит,
В секретный двор и то полез...

И то, что двери практически не запирались, мне нравилось. И общение между людьми было на каком-то высоком и интеллектуальном уровне, что сразу бросалось в глаза. И то, что все эти тогдашние высоколобые физики легко вставали на лыжи, ходили в походы, и на водные, к стати, лыжи тоже — во главе с Алексеем Тяпкиным. Это были очень демократичные, интересные и спортивные люди. И прежнее представление об учёном, который склонился над своим микроскопом и ничего кроме этого микроскопа не видит, мгновенно рассеивалось. Они были спортивными, поджарыми, с великолепным чувством юмора, постоянно интересующиеся жизнью — и политической, и культурной. И всё это сразу меня к ним привлекло.

— *Казалось бы, физики и лирики говорят на разных языках...*

— А у вас в Дубне никогда не было никаких границ между лириком и физиком.

— *Юлий Черсанович, Вы знаете, что у нас в 2003 году открылась аллея Высоцкого, а в 2008 году появился памятник поэту. И знаете про то, что он часто бывал в Дубне. В этом году 30 лет, как его с нами нет... Пользуясь случаем, прошу сказать несколько слов о Высоцком. Продолжает ли он жить в вашей душе?*

— Безусловно. Как у каждого, кто знает русскую культуру, помнит и знает её. Потому что он был невероятным явлением в нашей жизни. Я иногда думаю, с кем бы его сравнить. Думаю, его имя стоит где-то рядом с именем Есенина — по особенной национальной проникновенности. Если у Есенина была больше тоска по прошлому, то у Высоцкого эта нота была глубже и трагичнее. Для себя я обычно

определяю это так: никто, как он, не спел так отчаянно тоску русского человека по свободе. Эта тоска жила в душе каждого, даже у начальника. Помните? «Меня зовут большие люди спеть про охоту на волков!» Сколько я помню случаев, когда эти большие начальники зашторивали окна, отключали телефоны и включали Высоцкого! И даже тот рассказ про то, что 28 июля, в день похорон Володи, был очевидец, который видел, как Леонид Ильич у себя на черноморском побережье (в трусах!) с Жоржем Марше слушал репортаж о тех похоронах и одновременно слушал песни Высоцкого... То есть Высоцкий доставал абсолютно каждого этой присущей ему нотой тоски по свободе.

— *Спасибо. Давайте немного поговорим о сути и загадке творчества. Например, любимый мною Александр Городницкий говорил, что поэт — это такая антенна, которая транслирует то, что Он хочет сказать людям. Вы согласны с этим?*

— Наверное, это метафора, которая говорит о том, кто такой есть поэт. И о том, что кто-то водит рукой художника, который пишет картины или пишет стихи, мы слышим там и сям. Бог весть, я не мистик, честно говоря. Я ограничиваюсь словом «талант». Творческий талант, если он есть, служит человеку для того, чтобы что-то сказать, а средства — это какие ему подходят: кисть, перо или нотная бумага.

— *Можете сказать несколько слов о Пушкине, нашем всём?*

— Александр Сергеевич совершил немыслимый переворот в нашей жизни и в нашей культуре. Собственно говоря, вся наша литература — современная и ещё на несколько поколений вперёд — должна ему низко поклониться. Как источнику интонации, взгляда на жизнь, человека и общество. Потому что всё основное он сказал уже тогда, двести с лишним лет назад, а мы дальше только развиваем эти основные узлы его мысли. Другими мастерами до Пушкина (Державиным, Ломоносовым и так далее) было многое сказано в зародыше, а сформулировал и воплотил первый он.

— *Скажите, сейчас все говорят про кризис. Что вы об этом думаете? Есть ли у нас шанс?*

— Вопрос сложный... Одно скажу, мы получили свободу, которой толком пока что не воспользовались. Во многих областях, в том числе в политической цензуре, мы уже сделали шаги назад. И это, на мой взгляд, очень нам вредит некоторым образом. Но нижнюю точку мы уже проехали. Я убеждён, что некоторые вещи необратимы, что ничего похожего на 1937 год в нашем обществе уже не будет. Ни внизу, ни наверху. Это уже невозможно, и так далее. Что ещё? Уро-

вень гласности, который удалось завоевать при Горбачёве и Ельцине, поднялся по сравнению с советскими годами на очень большую высоту. Это, по-моему, тоже необратимо. Хотя, я повторяюсь, мы сделали обратные шаги, но всё же, я думаю, к уровню советских времён это не приведёт. Дальше. Свобода творчества для художника открыта немыслимая. Такие выставки, такие книжные развалы! То, что раньше было запрещено категорически, теперь легко можно достать...

— **Юлий Черсанович, вот скажите: от вас добро исходит. Вы его от родителей получили или сами воспитали?**

— Понимаете, всякий человек, который занимается искусством, должен излучать позитив. Даже если он, положим, пишет только чёрный юмор. Всё равно подкладкой должен быть позитив. У одних этот позитив составляет основное содержание. Вспомните, например, Булата Шалвовича. У других это, наоборот, скрыто, как, например, у Высоцкого или Галича. У меня, возможно, позитив ближе к поверхности, чем у других.

— **Ваше любимое место в Дубне?**

— Это гостиница и Волга.

— **Вы взрослый или ребёнок сейчас?**

— Я полагаю, подросток.

— **Вы любите давать автографы?**

— Я отношусь к этому спокойно. Как к части работы.

— **К скольким фильмам написаны песни у вас?**

— Думаю, у меня около 50 фильмов и столько же или чуть больше спектаклей.

— **А любимые какие, если брать фильмы?**

— Если говорить о фильмах, то это «Бумбараш» и «Обыкновенное чудо».

— **Какое мужское качество уважаете больше всего?**

— Мужество.

— **Какое женское качество вы более всего любите?**

— Понимание.

— **Что вы не простите другому человеку?**

— Хамство.

— **А что сможете простить?**

— Ну, допустим, какой-нибудь плохой невольный поступок его.

— **Какие цветы вы любите?**

— Наверное, лилии. И гладиолусы. Я очень люблю смотреть, как они расцветают в вазе у меня дома...

— *Это были сложные вопросы. Сейчас будут вопросы «попроще». Что бы Вы сделали в первую очередь, если бы вдруг стали президентом?*

— В первую очередь? Я провёл бы школьную реформу и отменил бы цензуру для печати.

— *И последний вопрос, хотя ответ я знаю наперёд. Вы к нам ещё приедете?*

— Ну, раз знаете ответ, я тогда промолчу. (*Ким смеётся.*) Пламенный привет Дубне! До скорой встречи!

Любовь Андреевна ЛОМОВА — химик, ветеран ОИЯИ из Лаборатории высоких энергий, уже 20 лет живёт в Америке. 5 апреля 2017 года Любовь Андреевна приехала в Дубну всего на месяц. Узнав о том, что создаётся книга о Киме, она принесла с собой диск Кима с его автографом, который приобрела после концерта барда в США 14 сентября 2014 года.

«ДУБНЕ — МОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПРИВЕТЫ!»

*Есть на свете бард один,
Знаменитый Юлий Ким.
Нежно любит он Дубну.
Тем же платим мы ему!
(Экспромт Л. Ломовой)*

В Америке, в штате Нью-Йорк, в сентябре 2014 года проходил очередной слёт бардовской песни. О том, как проходят такие слёты, можно подробно прочитать у знаменитого Игоря Губермана. На слёт обычно съезжаются любители авторской песни и барды из всех штатов Америки, а также из Канады, Израиля, Австралии и других стран. Всех их тянет на «огонёк» воспоминаний: о детстве и юности, о себе, о своей работе на прежней родине и — незабываемый родной русский язык. Каждый такой слёт имеет своё название.

Слёт 2014 года назывался «Киевский». Обстановка между Россией и Украиной уже тогда была напряжённой (и это — мягко говоря), поэтому ехала я с сыном, обуреваемая тревожными чувствами: а вдруг возникнут непредсказуемые ЧП? Главной причиной моей поездки (как, наверное, и для многих других) было большое желание увидеть любимого барда Юлиа Кима и послушать в его исполнении знакомые

с давних лет песни. Надо сказать, что за несколько лет до этого слёта в тёплой дружественной обстановке в музее ОИЯИ проводился «круглый стол» с участием Юлия Кима. Инициатором его проведения выступила тогда Дина Константиновна Копылова со своей дочерью Майей. С Диной я долгие годы работала в Лаборатории высоких энергий нашего ОИЯИ. Та встреча была посвящена очередному юбилею покойного друга Кима — Герцена Копылова, который был мужем Дины Копыловой. Немного слов о той встрече. Юлий Ким интересно рассказывал нам о некоторых событиях своей жизни: о своей учёбе в пединституте в Москве, о поэме его друга Геры Копылова «Евгений Стромынкин», о своей учительской деятельности на Камчатке, куда его из-за экзотической внешности распределили после института, думая, что он оттуда родом.

Мы трепетно слушали воспоминания Юлия Кима и песни под гитару, а затем душевно помянули Геру. От той встречи у меня осталось впечатление невероятной доброты, верности мужской дружбе и справедливой гражданской позиции. Все эти качества присущи Юлию Киму.

...Возвращаюсь к слёту в Америке. Конечно, всем прибывшим на тот слёт выпала редкая возможность встретиться со своими близкими и дорогими друзьями, разбросанными жизнью по разным штатам Америки и другим странам. Но повторюсь, что для всех приехавших появилась радостная и долгожданная возможность увидеть и услышать любимого барда. Концерт уже вовсю шёл на крытой летней эстраде. Уже выступили барды из Киева, Израиля, из Америки. Все с нетерпением ждали появления Кима. Я устроилась с краю импровизированной сцены, чтобы запечатлеть само его прибытие. Наконец, подъехала машина, из которой вышел Ким. Я кинулась ему навстречу с фотоаппаратом, но его мгновенно окружили организаторы. И всё же я успела сказать ему пару слов, буквально: «Я из Дубны, где Вас любят и ждут!» Ким сразу прошёл к эстраде, настроил свою гитару и начал петь. Песни были все до боли знакомые и прекрасные. И вдруг Ким остановился и сообщил зрителям о том, что есть один замечательный город в России, который стоит на берегу Волги и который он очень любит, — это прекрасный город физиков Дубна. Рассказал о том, что там когда-то он отмечал юбилей опального Александра Галича, который в свой тяжёлый период жизни на некоторое время получил приют у своих дубненских друзей. Что там он познакомился со многими замечательными физиками. Далее Ким отметил, что в Дубне

всегда очень тёплая, открытая и дружественная обстановка. И принялся исполнять свою знаменитую песню про Дубну. При этом, как мне показалось, красноречиво посмотрел в мою сторону. Мне очень приятно было услышать в чужой стране песню про мой любимый город, и я с гордостью говорила тем, кто сидел рядом со мной: «Я из Дубны!»

Долгими аплодисментами благодарили Кима за выступление. Потом можно было приобрести диск с его песнями. Выстроилась огромная очередь за автографом: на слёт обычно съезжаются до тысячи человек. Когда подошла моя очередь, я поблагодарила его за песню о Дубне, напомнила ему о встрече в Дубне, посвящённой памяти Герцена Копылова и задала вопрос: «Когда приедете снова в Дубну?» Он просто ответил: «Если пригласят, обязательно приеду».

Слёт прошёл, как всегда, дружно, и общий костёр горел до утра. Люди не хотели расходиться по своим спальным местам. Уже под утро, где-то часов в пять, я услышала, как двое мужчин, проходя мимо, вдохновенно поют: «Наши окна друг на друга смотрят вечером и днём...» Затем, спустя какое-то время, те же голоса возвращаются. Я не выдержала, выглянула из своей палатки и увидела следующую картину: два убелённых сединой красавца идут по лесу, обнявшись, и рассуждают без злости: «Хорошо же москали погуляли на Киевском слёте!»

Приехав в Дубну в начале апреля этого года, я узнала, что недавно Юлий Ким в очередной раз посетил наш город. Мне стало радостно от того, что он исполнил своё обещание. Поэтому про Юлия Кима я могу с уверенностью сказать так: «Наш человек!»

О концерте 2017 года в ДК «Мир» представим несколько мнений.

«Я ПРИЕЗЖАЮ СЮДА С ЧУВСТВОМ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ...»*

Такими словами, обращёнными к дубненской публике, Юлий Черсанович открыл свой творческий вечер, который состоялся 5 февраля в ДК «Мир». Приветствовала своего кумира публика дружными аплодисментами: Юлия Кима знает несколько поколений Дубны. Но

* Дубна: наука, содружество, прогресс. 2017. 16 февр. №7.

особенно встреч с ним ждут те, кто помнит его первые появления у нас во времена хрущёвской «оттепели». Напомню, что впервые Юлий Ким приехал в наш город в 1963 году. По воспоминаниям сотрудницы ОИЯИ И. Н. Кухтиной, тогда он только вернулся с Камчатки, где работал школьным учителем: «...Мы собирались обычно компаниями близких по духу людей в коттедже у теоретика А. Л. Любимова, читали запрещённую литературу и слушали запрещённые песни. Юлий Ким занимался самиздатом, а Герцен Копылов и мы с мужем распространяли это. Однажды через Кима к нам попали машинописные листки романа А. И. Солженицына «В круге первом». Их надо было очень быстро вернуть. И мы, помню, всю ночь сидели у нас с друзьями и по очереди читали вслух».

В Дубне Ким дружил с доктором физико-математических наук, сотрудником ОИЯИ Г. И. Копыловым (1925–1976). Об этом можно прочитать в его произведении «Горестный смех Герцена Копылова»: «Наши дубненские прогулки — вот что сразу встаёт перед моими глазами, чуть вспомнится мне Гера Копылов... И всегда поездка в Дубну означала для меня праздничный выезд на природу к родному человеку». Уже тогда, в далёком 1963-м, Ким написал строки, которые теперь знают многие дубненцы: «Дубна! Мечта моя Дубна!»

В начале своей встречи с дубненской аудиторией Юлий Ким вспомнил те первые приезды в наш город и прочитал этот отрывок из поэмы «Москва 1963». Затем спел песню «Мы патриархи», после которой с едва уловимой грустью произнёс: «Ощущаю себя человеком на склоне заката...» И тут же улыбнулся, будто удивился своим словам. Зрители тоже улыбнулись: кажется, что Ким вообще не меняется с годами! Та же лёгкая походка, такой же молодой голос, тот же озорной взгляд добрых глаз. Весь вечер публика поддерживала своего любимого артиста благодарными аплодисментами, живо реагируя на каждое его слово. Было заметно, что и сам Юлий Черсанович испытывает большое удовольствие от общения с дубненцами. Он охотно рассказал о том, как приезжал сюда на юбилей к Александру Галичу: «В 1968-м я приехал в Дубну и привёз Галичу подарок. Подарок был песенный. Надо сказать, что 1968 год был весьма полосатый: суды над диссидентами, вторжение советских войск в Чехословакию... А в новосибирском Академгородке решили провести первый фестиваль КСП. Они позвали и меня, но я тогда был под колпаком нашей Лубянки и не поехал, чтобы не испортить праздник своим «хвостом». Так вот, барды там договорились петь только о любви и романтике,

то есть ничего из остросатирического репертуара. Причём призывал всех к этому сам Галич. А потом в перерыве он пошёл в буфет, выпил стакан коньяку и исполнил три свои песни, после одной из которых («Памяти Пастернака») весь зал поднялся и устроил ему овацию. А потом начальство устроило Галичу свою «овацию»... И вот тогда началась опала — его, Галича, опала. Его отовсюду исключили, не позволяли появляться ни на каких площадках. В октябре того же 1968-го ему исполнялось пятьдесят лет. Отмечать юбилей ему посоветовали где-нибудь подальше от Москвы. В Дубне у него было много друзей, и он поехал в Дубну. И меня пригласил. А пока я ехал в электричке, сочинил ему песню (впоследствии получившую название «Посвящение Галичу». — Л. О.). Сейчас я её исполню».

В процессе насыщенного вечера длиной в два отделения Ким отвечал на вопросы зрителей и, конечно, исполнял песни: те, которые заказывали, и те, которые нравятся лично ему, пел произведения из мюзиклов и кинофильмов, а также познакомил аудиторию со своим «пиратским» циклом и музыкальными новинками. Отпускать Юлия Кима не хотели. Прощаясь с ним, зрители встали и долго провожали его дружными аплодисментами, надеясь на новую (и, желательно, скорую) встречу.

Любовь ОРЕЛОВИЧ

ЮЛИЙ КИМ: МОЗАИКА ЖИЗНИ В СТИХАХ И ПЕСНЯХ*

В ДК «Мир» состоялась встреча дубненских зрителей с одним из патриархов бардовской песни — Юлием Кимом, поэтом и композитором, драматургом и сценаристом, участником диссидентского движения в СССР, лауреатом литературных и музыкальных премий.

За свою творческую жизнь он написал более 500 песен, около трёх десятков сценариев и 10 книг, выпустил более 20 дисков. Его песни невозможно не знать: они уходили в народ сразу после выхода на экраны очередного музыкального фильма, в создании которого принимал участие Юлий Ким. А ещё он прекрасный рассказчик: в этот вечер интересных историй прозвучало не меньше, чем песен, исполненных автором.

* Встреча. 2017. 2 марта.

Впервые Юлий Черсанович побывал в нашем городе в 1963 году. Дубна в те годы была настоящим культурным центром притяжения: по приглашению физиков-ядерщиков сюда приезжали Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Арсений Тарковский и многие другие деятели искусства. Город удивил его своим свободным разговором на любые «жгучие» темы, а сами учёные — широким кругозором в области литературы, музыки, театра, кино, спорта, своими разнообразными интересами.

В первом отделении концерта в ДК «Мир» автор представил необычную программу, которую сам назвал композицией из разных песен, объединённых одной темой с условным названием «Эх, Россия, ты, Россия!», в которой отразились размышления автора об исторических событиях разных лет.

Творческий вечер продолжился «пиратскими» и «антипиратскими» песнями, по количеству которых, как заметил автор, он побил все рекорды среди бардов. Одну из них — «Песню старого пирата» — когда-то исполнил Георгий Вицин в радиопередаче «Клуб знаменитых капитанов». А «Подлинную пиратскую песню английских пиратов XVIII века» Юлий Ким написал для фильма «Остров сокровищ» в соавторстве с Алексеем Рыбниковым. Также он рассказал о творческой работе с талантливыми композиторами Геннадием Гладковым, Владимиром Дашкевичем, Романом Игнатьевым. Далее были исполнены песни из мюзикла «Монте-Кристо» и сказки «Снежная королева», знаменитая «Коричневая пуговка», «Старофранцузская баллада» и «Я — старый дедушка». Удивительно лирично и проникновенно прозвучала всеми любимая песня, написанная автором ещё в студенчестве, — «Губы окаянные» из кинофильма «Пять вечеров». В течение вечера автор рассказал много историй о своей жизни. А на вопрос зрителей, что он считает самым большим грехом, ответил: «Предательство по отношению к самому себе из корыстных побуждений».

В одном из интервью на вопрос о любимых песнях из своего огромного репертуара Юлий Ким ответил, что выделил бы десятка два, написанных с Геннадием Гладковым для фильмов «Сватовство гусара», «Обыкновенное чудо» и «Двенадцать стульев», которые он с удовольствием слушает и исполняет на своих концертах. Одной из них — «Песней Остапа Бендера» — автор и закончил своё двухчасовое выступление.

А наш разговор с Юлием Черсановичем был посвящён жанру бардовской песни. Её ещё называют авторской, так как в одном человеке совмещаются автор текста, музыки и исполнитель. Бардовская песня всегда была способом самовыражения думающих людей. Это пример «умной» поэзии — глубоко философской и очень личной, где текст стоит всегда на первом месте. А в музыкальном, мелодическом смысле, как считает Юлий Ким, этот жанр имеет глубокие корни: в нём можно встретить интонации Вертинского и советской, дворовой или мещанской песни. Исполняются такие песни в основном под гитару. Свободолюбивый дух выражается в протесте против несправедливости, лжи, зависти, подлости, жестокости, подхалимства. Задушевная лирика в них соседствует с романтикой, озорством и сатирой.

— *Юлий Черсанович, на концерты в основном приходит старшее поколение шестидесятников, хорошо знакомых с авторской песней. Насколько этот жанр интересен молодому поколению?*

— Конечно, моих сверстников и их детей больше, а вот внуков действительно немного, но они тоже приходят, слушают.

— *Не думаете, что может возникнуть новый виток увлечения авторской песней?*

— Это невозможно предугадать. У современной молодёжи появилось много других способов выразить себя в музыке. Возможно, с этой точки зрения классическая бардовская песня осталась в прошлом. Но время от времени я наблюдаю возрождение интереса к творчеству Визбора, Окуджавы, Галича и других легенд бардовской песни. А Высоцкий никогда не терял своей популярности. Хорошая музыка всегда востребована!

— *У вас насыщенная гастрольная деятельность?*

— География выступлений обширна. Я даю концерты не только в России, но и за рубежом. Люблю ездить по городам России. Меня приглашают в те же научные и академгородки, где бывал раньше, встречаюсь с выпускниками физматшколы.

— *Продолжаете ли вы бывать на бардовских фестивалях?*

— Да, мне это всегда интересно. Там открываются новые имена. Иногда я занимаюсь прослушиванием авторов, участвую в работе жюри и творческих мастерских. В ближайшее время поеду в Хельсинки на фестиваль русской песни. Летом собираюсь поехать в Астану, а затем в Белоруссию.

— *Юлий Черсанович, в творческом плане чем вы сейчас занимаетесь?*

— В основном сочинением пьес и либретто. В кино не работаю, потому что музыкальных фильмов в последние годы почти не выпускают. А что касается театров, с ними у меня активное сотрудничество.

Евгения ШТАЙН

ПЕВЕЦ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПЕВЕЦ

5 февраля 2017 года в Дубне в ДК «Мир» состоялась долгожданная встреча с Юлием Кимом. Перед концертом мы вспомнили один из предыдущих приездов Юлия Черсановича Кима в Дубну. В мае 2005 года в библиотеке ОИЯИ был организован вечер памяти Г. И. Копылова (1925–1976), известного физика-теоретика, автора поэмы «Евгений Стромынкин», вошедшей в студенческий фольклор, и «Четырёхмерной поэмы». Тогда Юлий Черсанович специально приезжал в Дубну по случаю 80-летия со дня рождения своего давнего друга. На том вечере Ким выступал со своими воспоминаниями и исполнял свои замечательные песни. В опубликованной книге поэм Г. И. Копылова есть статья о нём Ю. Ч. Кима «Горестный смех Герцена Копылова». Там он задал нетривиальный вопрос нашим учёным, в первую очередь физикам-ядерщикам: «Когда грянули первые аресты и суды, а потом пошло-поехало и робкий протест был незамедлительно раздавлен, — томило меня чувство обиды на нашу науку: что ж вы, братцы, свободные интеллектуалы, отступились, промолчали, смирились, в то время как вам-то, кузнецам нашей обороны и космической техники, мерзавцы наши ничего существенного причинить не смогли бы?»

Нам кажется, что у многих пришедших на концерт кроме желания послушать песни известного и любимого барда, была и другая, не менее весомая мотивация встречи с Юлием Черсановичем. Она заключалась в безусловном признании высокой гражданской позиции Юлия Кима. Он всегда был и остаётся верен своим идеалам и убеждениям. По его жизни, по его песням можно проследить историю нашей страны: годы репрессий, хрущёвская «весна» и брежневское бессезонье, шестидесятники и диссиденты, правозащитное движение. Некоторые его песни («Московские кухни», «Адвокатский вальс», «Письмо в Союз писателей», «Письмо Ходорковского» и другие) являются откликом на актуальные проблемы российской действительности.

В наши студенческие годы (это были 1960-е годы, физфак МГУ) мы слушали бардовские песни Окуджавы, Визбора и Кима на магни-

тофонах с бобинами лент и не всегда качественными записями, пели сами под брэнчание гитар в общежитии. Тогда мы узнали и полюбили песни Кима. Сейчас можно включить компьютер и по интернету слушать его песни, читать его стихи, смотреть различные концерты и интервью. Интернет интернетом, но с живым общением его не сравнить. На концерте 5 февраля, как всегда и в предыдущие свои приезды, Ким был остроумен, ироничен (чего стоят его песни «Патриархи» или «Я — старый дедушка») и молод (хотя и дедушка). Вслушиваясь в каждое отчётливо произносимое слово и интонацию и ощущаешь, сколько в них доброжелательности и искренности. Приятно было услышать ещё раз песню «Поездка в Дубну» и признание того, что Ким по-прежнему любит наш город. Своими аплодисментами мы подтвердили, что наши чувства взаимны. Мы надеемся на новые встречи с Юлием Кимом в Дубне и желаем ему долгих лет жизни и творческих успехов.

*Алим Константинович и Александра Михайловна
КАМИНСКИЕ — ветераны ОИЯИ*

Спустя год, 5 ноября 2018 года состоялся концерт Ю. Ч. Кима в ДК «Мир» ОИЯИ.

Новая встреча с Кимом. То же пятое число, как и год назад. Совпадение или какой-нибудь знак (надеюсь, что добрый)? Пусть будет так: хочется придать неожиданному появлению Юлия Черсановича некий оттенок мистики. Этот концерт стал для Дубны приятным сюрпризом. Из Москвы в ДК позвонил давний приятель Кима Станислав Аврорович Панов, преподаватель университета в Дубне. Он сообщил, что Юлий Черсанович приехал из Израиля всего на несколько дней в Москву, что он не возражает против концерта в Дубне и выражает желание пообщаться с молодыми учёными Института. Встреча была организована при помощи дирекции ОИЯИ Домом культуры «Мир» и Советом молодых учёных и специалистов: молодёжи очень захотелось увидеть и услышать легендарного барда.

И был праздник, на котором звучали песни и стихи, весёлые рассказы и воспоминания. А в зале ДК, как всегда, был «свой» зритель, который пришёл встретиться со своим давним другом, чтобы в очередной раз получить от него заряд дружелюбия, доброты и просто человеческого тепла. Провожали Кима с лёгкой грустью, но с большой надеждой на то, что этот приезд не станет последним...

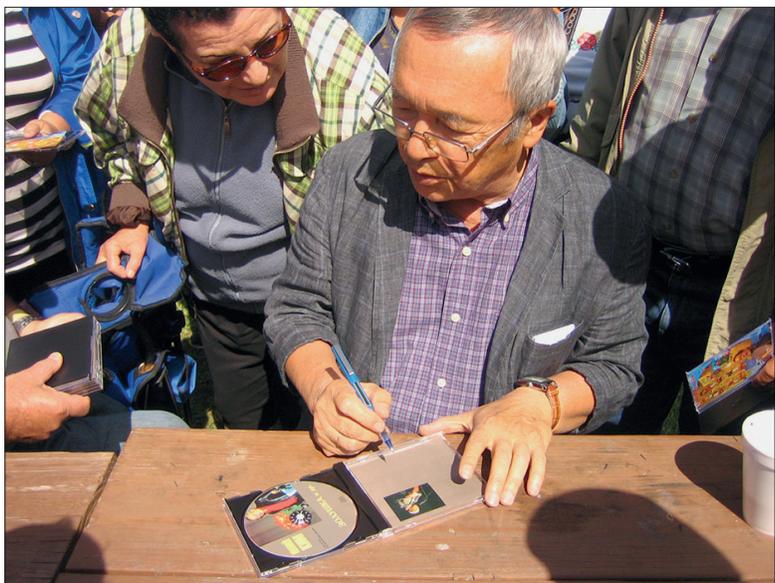
И. Вяземский берёт интервью у Ю. Кима (стоп-кадр из фильма, 2010 год)

Неожиданная встреча с Кимом в Вологде в 2011 году.
(фото С. Неговелова)

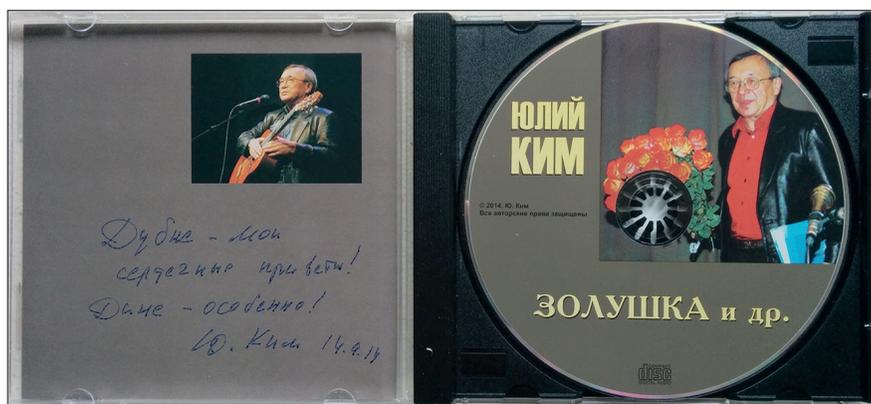

Фестиваль КСП в Америке в 2014 году
(на с. 70–71 фото из архива Л. А. Ломовой)

На фестивале бардовской песни в США

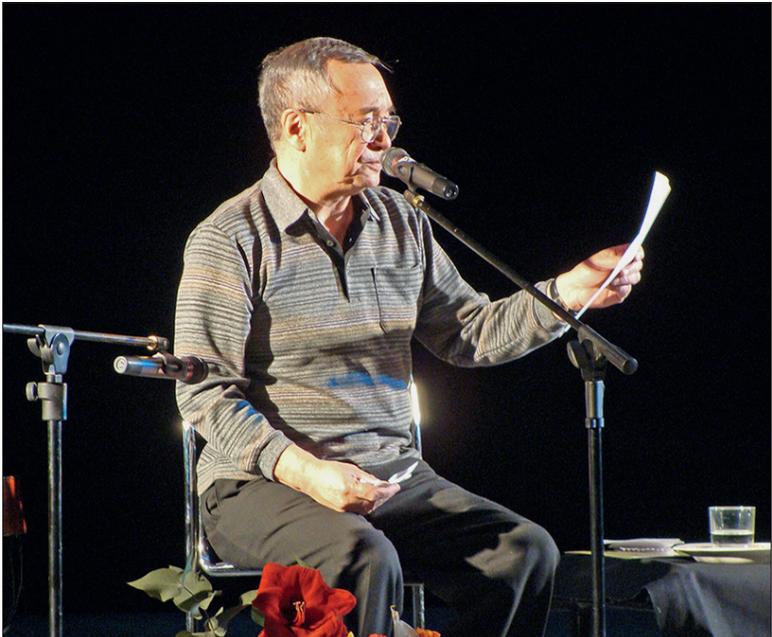

Автограф Кима для Л. А. Ломовой на диске (США, 2014 год)

Концерт в зале администрации города Дубны, 2015 год
(на с. 72–73 фото Г. Мялковской)

Перед концертом в ДК «Мир», 2017 год.
Е. Штайн и Ю. Ким (на с. 74–76 фото Ю. Тараканова)

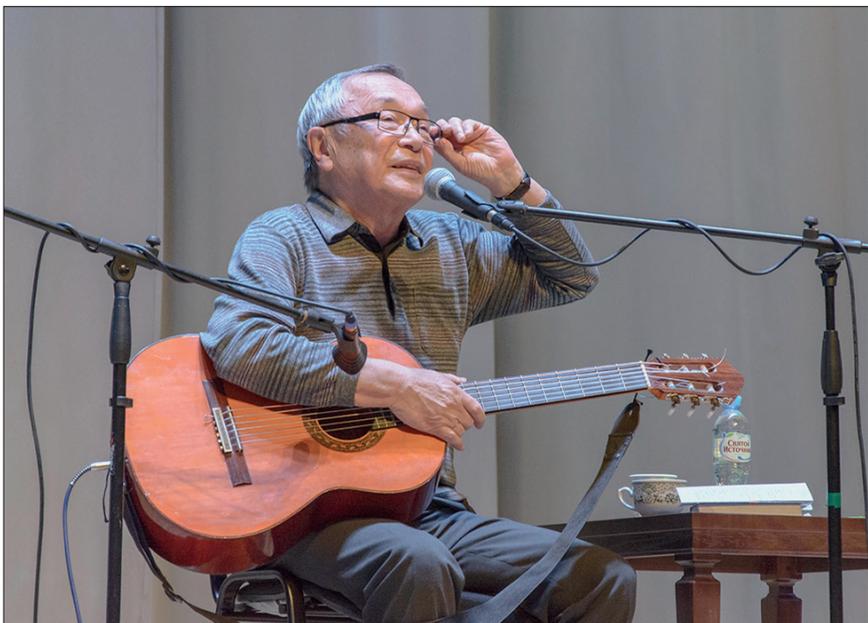

Г. Варденга, Ю. Ким, Л. Орелович (перед концертом в гримёрке)

Концерт 2017 года

2017 год

Концерт Кима в ДК «Мир» ОИЯИ в 2018 году
(на с. 76–78 фото Е. Ореловича)

Директор ДК «Мир» Т. В. Романенкова вручает Ю. Ч. Киму сувениры ОИЯИ

«До новых встреч!»
В. И. Фурман и Ю. Ч. Ким спустя 40 лет

СОДЕРЖАНИЕ

Гимн науке. <i>Ю. Ким</i>	3
Юлий Ким — явление уникальное. <i>А. Городницкий</i>	5
Поездка в Дубну. <i>Ю. Ким</i>	12
Воспоминания о Киме. <i>И. Н. Кухтина</i>	16
Горестный смех Герцена Копылова. <i>Ю. Ким</i>	18
«Посвящение Галичу». <i>С. М. Коренченко</i>	24
Попытка напомнить молодым людям... <i>В. И. Фурман</i>	25
Юлий Ким и Герцен Копылов. <i>А. П. Сумбаев</i>	43
О Юлии Киме и об авторской песне. <i>Г. Л. Варденга</i>	45
В жизни каждого человека есть важные моменты. <i>Н. С. Кавалерова</i>	50
По жизненному пути. <i>Т. Бек</i>	51
Интервью после концерта 2010 года. <i>И. А. Вяземский</i>	55
«Дубне — мои сердечные приветы!» <i>Л. А. Ломова</i>	59
«Я приезжаю сюда с чувством возвращения домой...» <i>Л. Орелович</i>	61
Юлий Ким: мозаика жизни в стихах и песнях. <i>Е. Штайн</i>	63
Певец в России больше, чем певец. <i>А. К. и А. М. Каминские</i>	66

«Дубна, мечта моя...»

Составитель **Орелович** Любовь Николаевна

Редактор *Е. В. Григорьева*

Компьютерная верстка *Е. В. Дергуновой*

Подписано в печать 16.03.2020.

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 500 экз. Заказ 59920.

Издательский отдел

Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6.

E-mail: publish@jinr.ru

www.jinr.ru/publish/

Дзюна гопна!
Одонама реди е!
У дзюу зееу буде,
Нусае модооо.

Уиуи Кеу